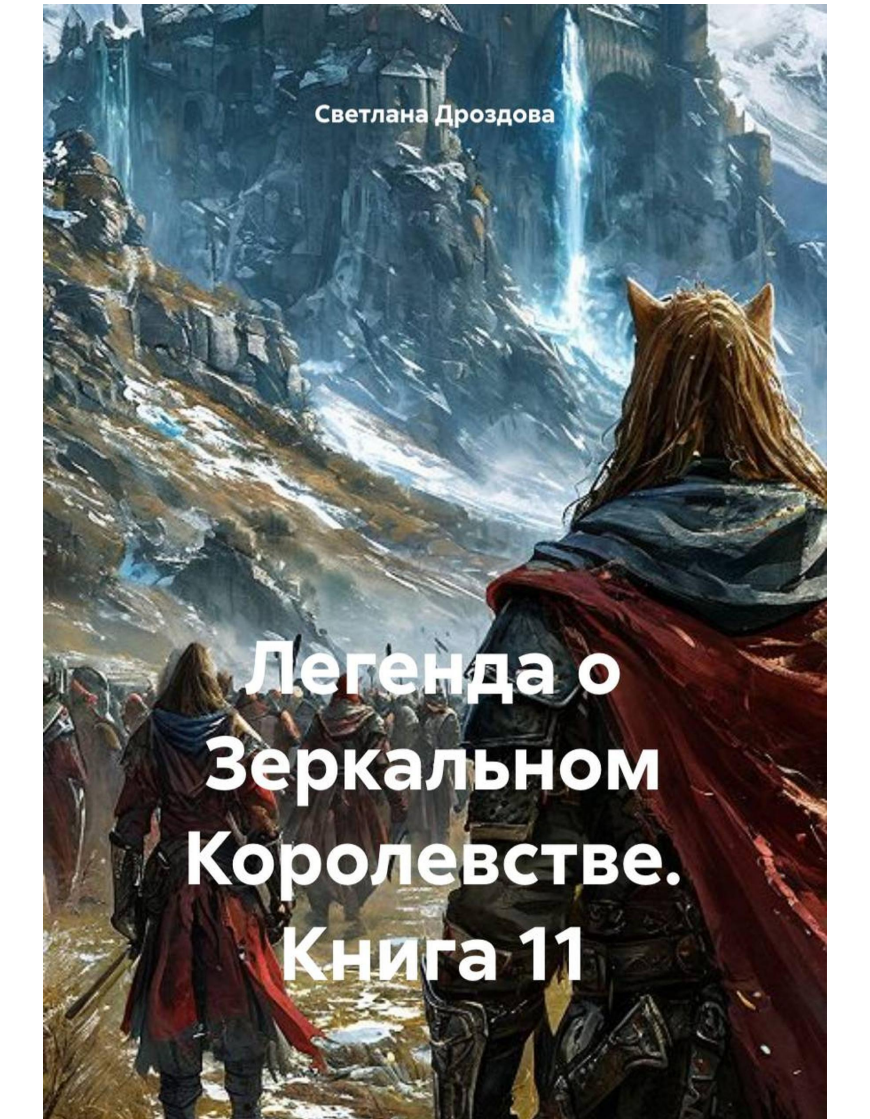

A detailed fantasy illustration of a mountainous landscape. In the foreground, a group of warriors, seen from behind, are looking towards a distant, misty valley. The warrior in the immediate foreground has long, flowing blonde hair and wears a dark blue tunic with a red cape. Other warriors in similar attire are visible behind them. In the background, a massive, rugged mountain rises, featuring a large, cascading waterfall that glows with a bright blue light. The sky is filled with soft, white clouds, and the overall atmosphere is one of epic adventure and mystery.

Светлана Дроздова

**Легенда о
Зеркальном
Королевстве.
Книга 11**

Светлана Дроздова

Легенда о Зеркальном Королевстве. Книга 11

<https://litres.ru/74093931>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта захватывающая история в жанре эпического фэнтези рассказывает о тяжелом пути Эйнара Пустого, лидера отряда «Серые Волки», который прошел через предательство, потери и тьму, чтобы сокрушить тиранию Корвуса. Вместе с верными союзниками — нестигаемым Ворном, смертоносной разведчицей Лис и целительницей Ирис, чья любовь становится его главным якорем в мире хаоса, — он ведет свою армию через Ущелье Отраженного Света, Топи Забвения и Домен Щита. Финальная битва у Чёрных стен цитадели становится апогеем их борьбы, где Эйнару предстоит не только разрушить магический Трон и пленить самого Корвуса, но и преодолеть внутреннюю скверну, унаследованную от врага. Это история о том, как победа может обернуться горьким началом, о цене свободы и о том, что даже в самые темные времена надежда и любовь остаются единственным светом, способным победить тьму.

Светлана Дроздова

Легенда о Зеркальном Королевстве. Книга 11

Глава 81. Корвус в цепях: Охота на тень

Часть первая. Ловушка захлопывается

Ночь над лагерем союзников была тяжёлой, как могильная плита. Она давила на плечи, на уставшие глаза, на самую душу. Празднование победы, такое бурное и шумное днём, выдохлось к полуночи, оставив после себя лишь догорающие угли костров, пустые бочки из-под вина и гулкую, звенящую тишину. Эта тишина была обманчивой, она таила в себе напряжение, которое ощущалось физически — как запах озона перед грозой. Где-то в темноте всхрапывала лошадь, каркал ворон, привлечённый запахом пиршества, и шелестел под ногами неугомонный ветер, играя с упавшим листом, как с призраком ушедшей жизни.

Клетка с Корвусом стояла в самом центре лагеря, на небольшом возвышении, словно чёрный алтарь, на котором было принесено в жертву прошлое. Её толстые железные прутья, скреплённые магическими печатями, отбрасывали

на утоптанную землю длинные, угловатые тени. Они переплетались и извивались, как змеи, и в их причудливых узорах чудились лица — искажённые, кричащие, умоляющие о пощаде. Вокруг клетки, на расстоянии двадцати шагов, стояло плотное кольцо ветеранов-«Волков». Это были не те новобранцы, что вчера ещё дрожали от страха перед своим командиром. Это были седые, как лунь, воины с лицами, иссечёнными шрамами, которые видели смерть в сотнях её обличий. Они стояли неподвижно, их руки лежали на рукоятях мечей, и их глаза, холодные и цепкие, буравили темноту вокруг клетки. Никто из них не спал. Воздух вокруг них, казалось, вибрировал от напряжения. Они ждали.

Эйнар тоже не спал. Он сидел на камне в тени своего шатра, в нескольких десятках метров от клетки, и смотрел на эту железную конструкцию, как смотрят на зажжённую свечу, которая может в любой момент упасть и поджечь весь дом. Левая культя, обёрнутая в грубую ткань, привычно ныла тупой, ноющей болью. Это была старая, знакомая боль, которая уже давно стала частью его, как его собственное дыхание. Но сегодня к ней примешивалось что-то другое. Тревога. Глухое, животное чувство опасности, которое он научился распознавать у себя за долгие годы войны. Это чувство не раз спасало ему жизнь, и он научился доверять ему, как доверяют старому, испытанному другу.

Он чувствовал Корвуса. Не как человека, а как присутствие. Как тяжелый, маслянистый холод, который просачивался сквозь прутья клетки, сквозь магические печати и оседал в его собственной раненой душе. Это было похоже на отражение в мутной воде — неясное, искажённое, но неумолимо тянущее к себе. Эйнар знал, что эта связь — не просто плод его воображения. Это было реальное, осязаемое явление, которое росло и крепло с каждым днём, с каждым часом, проведённым рядом с Корвусом. И он не знал, как разорвать её.

Рядом с ним, почти касаясь плечом, сидела Ирис. Она не спала, хотя её глаза были закрыты. Её дыхание было ровным и глубоким, но он знал, что она бодрствует. Она чувствовала то же, что и он. Возможно, даже сильнее. Её дар, её связь с жизнью, делала её чувствительной к любой пустоте, к любой смерти. И Корвус, даже в цепях, был воплощением этой пустоты. Эйнар чувствовал, как её тонкая, тёплая рука лежит на его предплечье, и это прикосновение было единственным, что удерживало его от того, чтобы провалиться в эту пустоту окончательно.

— Он сделает что-то, — тихо сказал Эйнар, и его голос прозвучал хрипло, как скрежет камней. Он даже не обернулся, продолжая смотреть на клетку. Его глаза, привыкшие к темноте, различали каждую деталь: игру теней на прутьях,

неподвижный силуэт внутри, редкие вспышки света, отражающиеся от магических печатей.

Ирис открыла глаза. В их глубине, в глазах цвета старого мёда, заплясали отблески догорающего костра. Она посмотрела на него, и в её взгляде была та глубокая, всепонимающая мудрость, которая приходила к ней с каждым новым испытанием, с каждой новой утратой. Она видела его боль, его страх, его отчаяние. И она принимала их, как принимала его самого.

— Я знаю, — ответила она так же тихо, но твёрдо. — Я чувствую это. Как будто там, внутри, кто-то скребёт когтями по стеклу. Он ждёт. Он знает, что его люди придут за ним. И он готов.

Эйнар кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что Корвус не смирится. Он мог ждать, он мог притворяться, но он никогда не сдастся. Его смех в пыли, его сломанный нос, его унижение — всё это было лишь маской, под которой таился прежний план. И сегодня ночью этот план должен был осуществиться. Эйнар чувствовал это каждой клеткой своего тела, каждой фиброй своей души.

— Он знает, что наша армия ослаблена праздником, — продолжил Эйнар, и в его голосе зазвенела сталь. Его пальцы

сжали рукоять меча, который всегда лежал у него под рукой. — Он знает, что ветераны устали, а новобранцы неопытны. Он ждал этого момента. Он знал, что мы ослабим бдительность. Он знал, что мы поверим в свою победу.

— Мы готовы, — сказала Ирис, и её пальцы сжали его руку. Её хватка была тёплой и крепкой, и в ней была та же стальная уверенность, что и в её голосе. — Мы все готовы. Ворн усилил охрану. Лис проверила периметр. Маги обновили печати. Мы сделали всё, что могли.

Эйнар повернул голову и посмотрел на неё. В её глазах, в этом глубоком, медовом свете, он не увидел страха. Только решимость. Ту самую решимость, которая вела их через Ущелье Отражённого Света, через разрушенный город, через Мёртвую Пустошь, через все битвы, которые они пережили вместе. Эта решимость была его якорем, его связью с миром живых. Она напоминала ему, что он всё ещё человек, что он всё ещё способен чувствовать, что он всё ещё способен любить.

— Ты должна быть рядом с ранеными, — сказал он, и его голос смягчился. — Если начнётся бой, они будут нуждаться в тебе. Я не хочу, чтобы ты рисковала.

— Я всегда буду рядом с теми, кто нуждается, — ответила

она, и в уголках её губ мелькнула тень улыбки. — Это моя работа. И я не боюсь риска. Я боюсь только одного — потерять тебя.

Он хотел ответить, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто сжал её пальцы в ответ, и они снова замолчали, глядя на клетку, где в цепях дремал или притворялся спящим их главный враг. В этом молчании было больше смысла, чем в любых словах. В нём была их общая история, их общая боль, их общая надежда.

Время тянулось медленно, словно застывшая смола. Каждая минута казалась часом, каждый час — вечностью. Лунный свет, пробиваясь сквозь редкие облака, окрашивал лагерь в призрачные, серебристые тона. Тени от палаток и повозок казались живыми, они удлинялись, извивались и шептались, словно сговорившись против живых. Где-то вдалеке ухнула сова, и этот звук, такой естественный и привычный, прозвучал в напряжённой тишине зловеще, как предвестие беды.

И в этой звенящей, напряжённой тишине случилось первое, едва заметное движение.

Один из часовых у клетки, самый старый, седой ветеран по имени Ульф, вдруг дёрнулся, его голова мотнулась в сто-

рону, и он с глухим стуком рухнул навзничь на утоптанную землю. Он не издал ни звука. Ни крика, ни стога. Просто упал, как подкошенный. Его глаза были широко открыты, и в них застыло выражение удивления, словно он не мог понять, что произошло. Из его горла торчал тонкий стеклянный осколок, который сверкнул в свете костра, как ледяная слеза. Осколок был идеально гладким, словно его отполировали, и он вошёл в плоть с такой лёгкостью, будто был частью самого воздуха.

Второй часовой, стоявший рядом, успел лишь повернуть голову, инстинктивно потянувшись к оружию, но его лицо, в следующее мгновение, словно рассекла невидимая бритва. Тонкая, кровавая линия появилась у него на горле, и он, захлебываясь кровью, тоже рухнул на землю. Его руки судорожно сжались, пытаясь зажать рану, но было поздно. Кровь хлестала сквозь пальцы, заливая землю тёмной, маслянистой лужей. Он умер, даже не успев издать крик.

— Тревога! — заревел Эйнар, вскакивая на ноги. Его меч, всегда лежавший под рукой, со свистом вылетел из ножен. Клинок сверкнул в свете факелов, отражая красные отблески пламени. — Всем в строй! Защищать клетку!

Но предупреждение запоздало. На лагерь обрушилась магия зеркал.

Она не была похожа на ту, что они видели в Ущелье Отражённого Света или в руках магов Корвуса. Эта магия была дикой, необузданной, текучей, как расплавленное стекло. С неба, из ниоткуда, начали падать не стрелы, не молнии, а раскалённые сферы концентрированного света. Они не летели по прямой, а двигались хаотично, рикошета от палаток, от телег, от земли, создавая ослепительную, безумную карусель смерти. Каждая сфера оставляла за собой светящийся след, который медленно угасал, как воспоминание о недавнем ужасе.

Первая такая сфера ударила в землю в десяти метрах от клетки. Вспышка была настолько яркой, что на мгновение выжгла сетчатку. Звук был странным — не взрыв, а шипение, как у раскалённого железа, брошенного в воду. И на месте, куда упала сфера, земля превратилась в гладкое, хрупкое зеркало. Оно сверкнуло в свете факелов, отражая искажённые лица бегущих солдат, и тут же, не выдержав напряжения, пошло трещинами и рассыпалось стеклянным крошевом, разлетаясь во все стороны мелкими, острыми осколками. Несколько воинов, оказавшихся рядом, вскрикнули, когда осколки впились в их незащищённые лица и руки.

Вторая сфера пролетела над головами ветеранов, и там, где она коснулась края палатки, грубая ткань мгновенно за-

дымилась, опала пеплом и рассыпалась серой пылью. Огонь перекинулся на соседнюю палатку, и пламя, подхваченное ветром, начало быстро распространяться, освещая лагерь зловещим, оранжевым светом.

Третья сфера ударила прямо в центр строя ветеранов, которые пытались организовать оборону. Вспышка была ослепительной, и несколько воинов упали на колени, зажимая глаза руками. Звук был похож на колокольный звон, и он отдавался в ушах, заставляя людей дезориентироваться и терять координацию.

— Черепаха! — заорал Ворн, чей мощный голос раздался из самой гущи солдат. Его топор сверкнул в свете пожаров, и он, размахивая им, как оружием, пробивался сквозь ряды, чтобы организовать оборону. — Сомкнуть ряды над клеткой! Щиты вверх!

Ветераны, обученные действовать в любой ситуации, мгновенно среагировали. Они сомкнули ряды над клеткой, поднимая тяжёлые щиты с инкрустированной стеклянной мозаикой. Сверху, поверх щитов, образовалась плотная, почти монолитная крыша, которая приняла на себя основной удар. Сферы света били по щитам, заставляя их вибрировать, нагреваться и дымиться. Инкрустированные осколки стекла, вплавленные в металл, вспыхивали яркими точками,

поглощая часть магической энергии, но их было слишком мало, чтобы противостоять этому шквалу. Ветераны стояли насмерть, их зубы были сжаты, а лица искажены напряжением. Они знали, что если они дрогнут, Корвус будет освобождён.

— Держать строй! — ревел Ворн, отбивая очередную сферу своим топором. Его руки были в крови, но он не обращал на это внимания. — Не дайте им прорваться к клетке! Это всего лишь отвлекающий манёвр!

Атака была жестокой и яростной, но она была лишь отвлекающим манёвром. Эйнар, пробиваясь сквозь хаос и крики, бежал к клетке. Он понимал это. Главная цель врага — освободить своего господина. Он бежал, лавируя между горящими палатками и падающими людьми. Его сердце билось бешено, а «чутьё Пустоты» кричало ему о надвигающейся опасности. Он чувствовал, как тьма внутри него начинает шевелиться, откликаясь на магию зеркал. Он слышал голос Корвуса, который шептал ему: «Ты не сможешь остановить меня. Ты не сможешь удержать меня в этой клетке».

И он увидел её. Ассасина, пробирающуюся к клетке. Она была быстра, как тень, и смертоносна, как змея. Лис, его лучшая разведчица, или, возможно, её ученица, скользила в дыму и хаосе, используя дымовую завесу и суматоху, чтобы

оставаться незамеченной. Её тело было обтянуто чёрным костюмом, который не отражал свет, а впитывал его, делая её почти невидимой. Лицо скрывала маска из чёрной ткани, и только глаза, тёмные и пронзительные, сверкали в прорезях, как у хищника. В руках она сжимала два длинных, тонких кинжала, которые блестели в неверном свете, словно зубы хищника. Она двигалась с нечеловеческой грацией, и каждый её шаг был просчитан до миллиметра.

— Она там! — закричал Эйнар, указывая в сторону клетки. — Лис, на перехват! Ворн, прикрой её!

Но было поздно. Ассасин уже добралась до клетки. Она не пыталась сломать прутья — они были слишком крепкими, усиленными магией. Вместо этого она достала из-за пояса маленький, тёмный пузырёк, который был запечатан воском. Она сломала печать одним ловким движением и вылила его содержимое на замок. Жидкость была чёрной и маслянистой, как нефть, и она зашипела, пошла густым, едким паром, когда коснулась металла. Сталь, казавшаяся вечной, начала растворяться, как сахар в горячей воде. Замок распался на глазах, превращаясь в жидкую, шипящую массу.

Замок упал с глухим металлическим стуком.

Ассасин рывком открыла дверцу клетки и протянула руку

внутри, туда, где в цепях сидел Корвус. Он не двигался, не говорил, но в его глазах, в глубине, зажглась насмешливая, торжествующая искра. Его губы изогнулись в той же странной, отрешённой улыбке, которую Эйнар ненавидел всем своим существом.

— Тише, повелитель, — прошипела ассасин, хватая его за шкуру. Её голос был низким и хриплым, как у человека, который долго молчал. — Ваш выход. Быстро.

Корвус позволил вытащить себя из клетки. Его тело, казавшееся таким беспомощным несколько часов назад, теперь двигалось, повинаясь чужой воле. Он не бежал сам, но его тащили, как тюк с сеном. Они нырнули в темноту между палатками, и их тени слились с тенями, исчезнув в хаосе битвы. Корвус не оглянулся. Он знал, что его люди сделают всё, чтобы обеспечить ему побег.

— Нет! — закричал Эйнар, бросаясь за ними. Его голос сорвался на крик, и в нём было столько боли и отчаяния, что на мгновение даже ветер, казалось, затих. — Они уходят! Ворн, за мной! Лис, отрезай им путь! Не дайте им уйти в лес!

Часть вторая. Побег и погоня

Лагерь, который ещё минуту назад казался уютной крепо-

стью, превратился в смертельный лабиринт. Повсюду горели палатки, и пламя, подхваченное ветром, поднималось к небу, освещая ночь зловещим, оранжевым светом. В воздухе висел густой, едкий дым, который смешивался с запахом гари, крови и магии. Крики раненых смешивались с грохотом магических атак, создавая какофонию, от которой закладывало уши. Сверху всё ещё падали ослепительные сферы, и земля под ногами хрустела стеклянным крошевом, которое резало сапоги и ранило ноги.

Эйнар бежал, не разбирая дороги. Его интуиция, его связь с пустотой, вела его. Он видел не просто тени, а линию силы, ту тонкую нить, которая тянулась от Корвуса к нему. Эта нить была его компасом, его маяком в этом аду. Она пульсировала в такт его сердцебиению, и он чувствовал, как она становится всё слабее с каждым мгновением, с каждым шагом, который Корвус делал от него. Он видел, как ассасин и Корвус ныряют в узкий проход между двумя горящими палатками, как она оборачивается, и в её глазах на мгновение мелькает испуг. Она не ожидала, что он так быстро нагонит. Она не ожидала, что он будет так упорен.

— Они уходят к лесу! — крикнула Лис, которая, как и Эйнар, вела параллельный курс, пытаясь отрезать беглецам путь к отступлению. Она была на крыше одной из повозок, её единственный глаз сверкал в темноте, как у хищника, и

она, не теряя времени, перепрыгивала с одной повозки на другую, сокращая расстояние. — Если они уйдут в лес, мы их не найдём! Там слишком много теней! Они растворятся!

— Не дадим! — ответил Эйнар, ускоряя бег. Его ноги сами несли его вперёд, и он чувствовал, как ветер свистит в ушах, как кровь стучит в висках, как сердце бьётся в груди, как никогда раньше. Он не чувствовал усталости. Он чувствовал только гнев и решимость. Гнев на Корвуса за его подлость, за его ложь, за его бесконечную, неутолимую жажду власти. И решимость остановить его любой ценой.

Ассасин, поняв, что её нагоняют, сделала отчаянный шаг. Она швырнула на землю позади себя маленький мешочек с серым порошком. Он взорвался, создав плотную стену дыма, которая скрыла их от преследователей на несколько мгновений. Дым был густым и едким, он разъедал глаза и горло, заставляя кашлять и слезиться.

— Они используют дым! — закричал Ворн, пробиваясь сквозь дымовую завесу. Его огромное тело двигалось с неожиданной лёгкостью, и он, размахивая топором, разгонял дым, как ураган. — Не дайте им уйти! Вперёд!

Эйнар нырнул в дым, задерживая дыхание, и выскочил с другой стороны. Он увидел их снова. Они бежали к окраине

лагеря, к старому подвесному мосту через глубокий овраг. На дне оврага, внизу, шумела горная река, её холодный, тёмный поток был едва виден в свете звёзд. Вода была ледяной, и она неслась с бешеной скоростью, разбиваясь о камни. Мост был старым, его доски прогнивали и прогибались под весом бегущего человека, а верёвки, на которых он держался, жалобно скрипели и стонали, словно предупреждая об опасности.

— Они хотят пересечь мост! — крикнул Эйнар, и его голос был полон отчаяния. — Лис, обходи их с правого фланга! Ворн, слева! Я пойду прямо! Мы должны взять их в клещи!

Беглецы выбежали на мост. Доски заскрипели под их ногами, и мост закачался, как качели. Ассасин остановилась на середине, прикрываясь телом Корвуса, как живым щитом. Её глаза бегали из стороны в сторону, оценивая врагов. Она понимала, что дальше бежать некуда. Её скорость против Эйнара и Ворна была ничем на этом шатком, узком мосту.

Корвус, наконец, пришёл в себя. Он стоял, всё ещё тяжело дыша, его грудь вздымалась, как у загнанного зверя. Но на его губах уже заиграла та самая странная, отрешённая улыбка, которую Эйнар ненавидел всем своим существом. Он не выглядел испуганным. Наоборот, казалось, что он наслаждается этим моментом. Он смотрел на Эйнара, и в его глазах

была насмешка.

— Ты просчитался, Пустой, — сказал он, и его голос был хриплым, но насмешливым. — Ты думал, что я сломлен. Ты думал, что победил. Но я всегда на шаг впереди. Ты бежишь за мной, как собака за костью, но ты не понимаешь, что это я веду тебя.

Эйнар сжал рукоять меча. Его культия пульсировала, и он чувствовал, как тьма внутри него начинает шевелиться, требуя выхода. Но он сдерживал её. Он не мог позволить себе сорваться. Это было слишком опасно. Он должен был оставаться ясным и холодным.

— Отпусти его, — сказал он, и его голос был холодным, как лёд. — Ты не сможешь убежать. Мы всё равно вас поймем. Ты в ловушке, и ты это знаешь.

— Мы не собираемся убегать, — ответила ассасин, и её голос был полон злой решимости. Она сжала кинжал, и её пальцы побелели от напряжения. — Мы уйдём через мост. А вы останетесь здесь. Вы будете смотреть, как мы исчезаем в ночи.

Она сделала шаг назад, увлекая Корвуса за собой. Мост закрипел и закачался. Доски под их ногами жалобно засто-

нали, словно предупреждая о грядущей опасности.

Эйнар сделал шаг вперёд. Ассасин тут же прижала клинок к горлу Корвуса. Кровь выступила на коже, тонкая красная струйка потекла по шее.

— Ещё один шаг, и он умрёт! — закричала она, и её голос был пронзительным и хриплым. — И вы никогда не узнаете, что он задумал. Вы никогда не сможете остановить его!

— Он и так всё рассказал! — крикнул Ворн, делая выпад вперёд. Его топор сверкнул в свете звёзд, и он был готов к бою. — Мы сломали его! Мы выбили из него всё дерьмо!

— Вы сломали его тело! — засмеялась ассасин, и в её смехе было безумие. — Но не его дух! Не его план! Вы даже не представляете, что он приготовил для вас. Вы думаете, что победили, но вы всего лишь пешки в его игре!

Эйнар знал, что она лжёт или говорит правду, но сейчас это не имело значения. Главное было остановить её, не дать ей уйти. Он должен был действовать быстро и решительно. Он должен был найти способ переломить ситуацию.

И в этот момент произошло то, чего не ожидал никто. Лис, которая всё это время подбиралась с правого фланга, достиг-

ла своей цели. Она бесшумно спрыгнула с обрыва на один из канатов моста и, балансируя, как акробат, пролетела над головами ассасина и Корвуса. Её движения были плавными и грациозными, как у кошки, и она приземлилась на канат с такой лёгкостью, словно делала это всю свою жизнь.

Ассасин, услышав шум, резко обернулась, но было поздно. Лис нанесла удар ногой, выбивая один из кинжалов из руки ассасина. Тот с глухим звоном упал на доски моста и, скользя по краю, исчез в темноте.

— Возьми его! — крикнула Лис, отвлекая ассасина. Её нож сверкнул в свете звёзд, и она приготовилась к следующей атаке. — Я прикрою!

Эйнар не упустил свой шанс. Он рванул вперёд, сбивая Корвуса с ног мощным ударом в плечо. Корвус пошатнулся и, потеряв равновесие, упал на колени, больно ударившись о доски моста. Из его горла вырвался хрип, и он попытался встать, но Эйнар уже был рядом.

Ассасин, оставшись без одного из кинжалов, попыталась защититься от Лис, но та была слишком быстра. Лис увернулась от её выпада и, используя инерцию, нанесла точный удар по запястью второй руки. Кинжал выпал, и ассасин осталась безоружной. Она попыталась бежать, но Ворн уже был ря-

дом.

— Свяжите её! — закричал Эйнар, удерживая Корвуса на месте. Его руки сжимали плечи врага, и он чувствовал, как тот дрожит от бессильной ярости. — Быстро! И общитесь её! У неё могут быть ещё сюрпризы!

Ворн, не теряя времени, подбежал к ассасину и грубо скрутил ей руки за спиной. Он был силен, и его хватка была подобна стали. Ассасин зашипела от боли, но не издала ни звука.

— Ты не победишь! — закричала она, пытаясь вырваться. — Корвус — это идея! Идеи не умирают! Вы можете запереть его тело, но его дух будет жить вечно!

— Заткнись! — рявкнул Ворн, затягивая верёвку. Он был груб и резок, но эффективен. — Ты будешь говорить только тогда, когда тебя спросят. А пока молчи.

Ассасин замолчала, но её глаза, тёмные и безумные, продолжали гореть ненавистью.

Часть третья. Схватка на мосту

На мосту остались только Эйнар и Корвус.

Корвус, всё ещё стоя на коленях, смотрел на Эйнара с ненавистью и бессилием. Его нос, который Эйнар сломал накануне, распух и был перепачкан грязью и засохшей кровью. Его одежда была изорвана, и он выглядел жалко. Но в его глазах, в глубине, всё ещё горела та же странная, отрешённая улыбка. Он был побеждён, но он не был сломлен.

Эйнар посмотрел на него сверху вниз. Его сердце бешено колотилось, дыхание было прерывистым, но он не чувствовал ни гнева, ни ярости. Только ледяную усталость. Он смотрел на врага, который когда-то был таким могущественным, и чувствовал пустоту. Пустоту, которая становилась всё больше, всё холоднее, всё невыносимее.

— Игра окончена, Корвус, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — Ты проиграл. Ты снова в моих руках. Твоя попытка побега провалилась. Твои люди разбиты. Ты остался один.

Корвус попытался улыбнуться, но это больше походило на гримасу боли. Он медленно поднялся на ноги, опираясь на перила моста. Его руки дрожали, но он держался прямо.

— Ты думаешь, это конец? — спросил он, и его голос был едва слышен. — Ты думаешь, что я сломлен? Ты ошибаешь-

ся. Я — это ты. Я — это тень, которая всегда идёт за тобой. Я — это твоя тьма. И ты не можешь избавиться от меня. Ты можешь запереть меня в клетку, но ты не можешь запереть меня в своей душе. Я всегда буду с тобой.

Эйнар шагнул к нему. Он не собирался слушать его лекции. Он собирался взять его и вернуть в клетку. Но слова Корвуса застряли в его душе, как заноза. Они были похожи на правду, и эту правду он боялся признать даже самому себе.

— Ты не часть меня, — сказал он, и его голос был тверже, чем он чувствовал себя на самом деле. Он хотел убедить себя в этом, убедить Корвуса, убедить весь мир. — Ты — просто больная фантазия. Мой кошмар. И я уничтожу тебя, как уничтожал все свои кошмары.

Он схватил Корвуса за ворот грязной туники и рывком поставил его на ноги. Корвус пошатнулся, но не упал. Его глаза встретились с глазами Эйнара.

— Ты не убьёшь меня, — прошептал Корвус, и в его голосе не было страха. Только уверенность. — Ты не сможешь. Потому что ты нужен мне. Мы связаны. И эта связь неразрывна. Ты можешь пытаться разорвать её, но она всегда будет здесь, в твоей душе.

— Я не убью тебя, — ответил Эйнар, и в его голосе зазвела сталь. Он сжал руку сильнее, и Корвус закашлялся. — Ты будешь жить. И ты будешь страдать. Это худшее наказание, которое я могу тебе дать. Ты будешь жить и видеть, как мир, который ты хотел поработить, строится без тебя. Ты будешь видеть, как твои идеи умирают одна за другой.

Он развернул Корвуса и потащил его обратно к лагерю. Ассасин, связанная и побеждённая, уже была под конвоем Ворна и Лис. Она шла молча, но её глаза горели ненавистью.

— Ведите их в лагерь, — приказал Эйнар. — Корвуса — в клетку. А эту, — он кивнул на ассасина, — допросите. Узнайте, откуда она пришла и кто за ней стоит. Она должна рассказать нам всё, что знает.

— Будет сделано, — ответил Ворн, и в его голосе была сталь. — Я лично займусь этим. Она заговорит. Рано или поздно.

Они двинулись обратно через горящий лагерь. Дым всё ещё висел в воздухе, но атака магов зеркал уже начала затихать. Сферы света больше не падали с неба, и только догорающие палатки напоминали о только что произошедшей битве. Где-то плакал раненый, где-то кричали, отдавая приказы,

но общий хаос постепенно уступал место организованным действиям.

Корвус шёл молча. Он не сопротивлялся, не пытался бежать. Он просто шёл, глядя перед собой пустым взглядом. Его дух, который когда-то был таким сильным, таким непоколебимым, был сломлен. Или, по крайней мере, так казалось. Но Эйнар знал, что это всего лишь иллюзия. Корвус ждал. Он всегда ждал.

Часть четвёртая. Возвращение и финальное унижение

Когда они достигли клетки, она всё ещё стояла на своём месте, пустая и зияющая открытой дверцей. Её замок был разрушен, и магические печати, которые должны были удерживать Корвуса, теперь казались бессмысленными. Маги Домена Щита уже бежали к ней, их лица были бледными и встревоженными.

— Восстановите печати, — приказал Эйнар, обращаясь к ним. — И усильте их. Я не хочу, чтобы это повторилось. Если он снова попытается сбежать, я хочу, чтобы он даже не смог пошевелиться.

— Будет сделано, командир, — ответил один из магов, и в его голосе была тревога. — Но нам нужно время. Печати

были разрушены кислотой. Это специальное средство против магии. Мы должны создать новые, более сильные.

— У вас есть оно, — сказал Эйнар. — Пока клетка не будет готова, Корвус останется под усиленной охраной. Ворн, поставь сюда десять лучших бойцов. И пусть они будут готовы ко всему.

Он повернулся к Корвусу, который стоял неподвижно, глядя перед собой. Его лицо было бледным, но на нём застыла та же странная полуулыбка. Он смотрел на Эйнара, и в его взгляде была смесь ненависти и любопытства.

— Ты думаешь, что я сдался? — спросил Корвус, и его голос был тихим, но насмешливым. — Ты думаешь, что я сломлен? Ты ошибаешься. Я просто жду своего часа. И он настанет. Рано или поздно.

— Твоего часа не будет, — ответил Эйнар, и его голос был холодным, как лёд. — Ты будешь сидеть в этой клетке до конца своих дней. И ты будешь смотреть, как мир, который ты хотел поработить, строится без тебя. Ты будешь смотреть, как люди, которых ты презирал, строят новое будущее.

Он грубо затащил Корвуса обратно в клетку. Корвус не сопротивлялся. Он позволил запереть себя, позволил надеть на

себя цепи, позволил магам наложить новые, ещё более сильные печати. Его лицо было бесстрастным, но в глазах, в глубине, всё ещё горела искра. Искра ненависти. Искра надежды. Искра безумия.

Когда дверца клетки была заперта, а цепи надёжно затянуты, наступила тишина. Абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием Эйнара и отдалёнными криками раненых. Бой был окончен, но эхо магии зеркал всё ещё висело в воздухе. Оно отдавалось в ушах, в голове, в самой душе. Это было напоминанием о том, что враг не сломен, а лишь затаился, ожидая своего часа.

И в этой тишине Корвус начал смеяться.

Это был не тот смех, который Эйнар слышал раньше. Не насмешливый, не торжествующий. Этот смех был истеричным, полным безумия и отчаяния. Он был похож на крик, который застрял в горле и превратился в хрип. Корвус смеялся над собой, над своей ситуацией, над этим миром, который он хотел покорить. Это был смех победителя, который считает, что всё идёт по его плану, даже когда он сидит в клетке. Это был смех безумца, который видит порядок там, где царит хаос.

Эйнар подошёл к клетке. Он смотрел на бывшего импера-

тора, на его искажённое безумной улыбкой лицо, на его пустые, безумные глаза. Он чувствовал, как внутри него поднимается холодная ярость. Он хотел заткнуть этот смех. Он хотел стереть эту улыбку с его лица. Он хотел уничтожить его окончательно.

Но он знал, что не может. Он знал, что это только подтвердит слова Корвуса. Это только покажет, что он прав. Это только даст Корвусу ту власть, которую он так отчаянно пытался сохранить.

Он перевёл взгляд на Ворна, который стоял рядом. Старый воин выглядел мрачным и усталым, но в его глазах была та же холодная решимость, что и у Эйнара. Он смотрел на Корвуса с отвращением, и его рука сжимала рукоять топора.

— Ворн, — сказал Эйнар, и его голос был тихим, но твёрдым. — У тебя есть что-то, чем можно заткнуть ему рот?

Ворн понял всё без слов. Он кивнул, и его лицо стало ещё более мрачным. Он порылся в своей поясной сумке и достал грязную, окровавленную тряпку — обрывок вражеского знамени, который он подобрал на поле боя. Ткань была испачкана грязью, запёкшейся кровью и пеплом, и от неё исходил резкий, тошнотворный запах.

Он подошёл к клетке, и Корвус затих, его смех застрял в горле. Он смотрел на старого воина, и в его глазах, впервые за последние часы, появился страх. Настоящий, животный страх.

— Ты не посмеешь, — прошептал он, и его голос дрожал. — Ты не посмеешь унижить меня. Я — император. Я — повелитель этого мира.

— Ты был императором, — ответил Ворн, и его голос был холодным, как лёд. — А теперь ты просто пленник. И ты будешь молчать, когда тебе прикажут.

Но Ворн не слушал его. Он грубо схватил Корвуса за волосы, его пальцы вцепились в спутанные, грязные пряди, и с силой прижал его лицом к прутьям решётки. Корвус зашипел от боли, пытаясь вырваться, но хватка Ворна была железной.

— Эйнар, — прошептал он, и его голос был полон отчаяния. — Ты не позволишь ему... Ты не позволишь ему сделать это...

Но Эйнар не остановил Ворна. Он стоял, глядя на Корвуса сверху вниз, и в его глазах не было жалости. Только холодная сталь. Он смотрел на врага, который уничтожил его мир, ко-

торый убил его друзей, который хотел поработить всё, что он любил. И он не чувствовал ничего, кроме ледяной усталости.

— Ты думаешь, что ты победитель? — спросил Эйнар, и его голос был ледяным. — Ты думаешь, что этот смех делает тебя сильным? Ты ошибаешься. Ты — никто. Ты — всего лишь жалкий пленник, который сидит в клетке и ждёт, когда его казнят. Ты — пустота, которую можно заполнить. И я заполню тебя. Я заполню тебя своей ненавистью. Своей злостью. Своей болью. Я заполню тебя всем, что я чувствую.

Он взял тряпку из рук Ворна. Она пахла кровью, землёй и гнилью. Он на мгновение задержал её перед лицом Корвуса, давая ему почувствовать этот запах. Корвус задергался, пытаясь отвернуться, но Ворн держал его крепко.

— Ты будешь носить это, как напоминание о том, кем ты стал, — сказал он. — Ты будешь носить это, как знак своего поражения. Ты будешь носить это до тех пор, пока не сгниёшь в этой клетке.

Он запихнул тряпку в рот Корвуса. Бывший император замычал, пытаясь выплюнуть её, но она была слишком глубоко. Он давился, его глаза расширились от ужаса и унижения, и по его щекам потекли злые, бессильные слёзы.

Ворн отпустил его, и Корвус, потеряв опору, безвольно осел на пол клетки. Его тело обмякло, и он лежал, тяжело дыша, с тряпкой во рту, его глаза были полны ненависти и животного страха. Он пытался выплюнуть тряпку, но она застряла глубоко в горле, и он мог только мычать.

Эйнар смотрел на него сверху вниз. Он не сказал ни слова. Он просто закрыл дверцу клетки на тяжёлый замок. Его движения были медленными и размеренными, как у человека, который выполняет рутинную работу. Но в этой размеренности было что-то ужасающее. Что-то, что говорило: «Это не конец. Это только начало».

Когда замок защёлкнулся, Эйнар повернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Он чувствовал на своей спине взгляд Корвуса, полный ненависти и страха. Он знал, что этот взгляд будет преследовать его долгие годы. Но он также знал, что победа была одержана. Корвус был пойман, унижен и заперт в клетке. Там, где ему и место.

Часть пятая. Последствия и размышления

Эйнар прошёл через лагерь, мимо догорающих костров и раненых солдат. Люди расступались перед ним, их лица были полны уважения и страха. Они видели, как он победил врага. Они видели, как он сломал его волю. Они видели, как

он стал героем. Они смотрели на него, как на бога войны, и в их глазах была надежда. Надежда на то, что он сможет защитить их от всего, что угрожает их миру.

Но Эйнар не чувствовал себя героем. Он чувствовал себя пустым. Пустым и холодным, как те звёзды, которые смотрели на него с небес. Он смотрел на людей, которые верили в него, и чувствовал только тяжесть этой веры. Он знал, что не может подвести их. Он знал, что должен быть сильным. Но внутри него была только пустота.

Он остановился у своего шатра и замер, глядя на него. Он не хотел входить внутрь. Он не хотел оставаться один. Он хотел убежать. Но он не мог. Он должен был быть командиром. Он должен был быть героем. Он должен был быть тем, кем его видели другие.

И в этот момент он услышал шаги за спиной. Он обернулся и увидел Ирис. Она стояла в нескольких шагах от него, её лицо было бледным, но в глазах горела решимость. Она подошла к нему и взяла его за руку.

— Ты не один, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты никогда не был один. И ты никогда не будешь один. Я здесь. Я всегда буду здесь.

Он посмотрел на неё. В её глазах, в этих глазах цвета старого мёда, он увидел ту же искру, которая вела его через все битвы. Искру надежды. Искру жизни. Искру любви. И он понял, что, возможно, всё не так безнадёжно. Возможно, он всё ещё может быть человеком. Возможно, он всё ещё может чувствовать.

— Спасибо, — прошептал он, и в его голосе была усталость. — Спасибо, что ты здесь.

— Я всегда буду здесь, — ответила она. — Это не обсуждается.

Он обнял её, и она прижалась к нему, чувствуя, как его сердце бьётся в такт с её сердцем. Они стояли так, глядя на звёзды, на будущее, которое ждало их впереди, и чувствовали, что вместе они могут выстоять против любой тьмы.

Но тьма уже была внутри него. И он знал, что она никогда не уйдёт.

Итоги главы 81:

· События: Успешная нейтрализация попытки побега

Корвуса. Атака магов зеркал и ассасина отбита, Корвус водворён обратно в клетку. Эйнар и его союзники демонстрируют слаженность и решительность. Корвус унижен и лишён последних остатков достоинства.

- Персонажи:

- Эйнар: Проявляет лидерские качества, хладнокровие и жестокость, необходимые для поддержания порядка в армии. Его поступок с тряпкой — символическое уничтожение последнего символа власти Корвуса.

- Корвус: Его попытка побега проваливается. Он сломлен физически и морально, но его дух всё ещё жив. Его смех — это акт отчаяния и попытка сохранить иллюзию контроля.

- Ирис: Остаётся моральной опорой для Эйнара. Её любовь и вера в него помогают ему преодолеть внутренний кризис.

- Лис и Ворн: Играют ключевую роль в поимке Корвуса и ассасина. Их действия демонстрируют их мастерство и преданность.

- Ассасин: Захвачена в плен. Она станет источником информации о планах врага.

- Эмоциональное состояние: Напряжение спадает, но уступает место мрачной решимости. Победа кажется горькой, а будущее — неопределённым. Эйнар чувствует пустоту, которая усиливается после унижения Корвуса.

- Развитие сюжета: Корвус пойман и заточён в усиленную клетку. Армия союзников одерживает тактическую победу,

но враг не уничтожен. Впереди — новые вызовы и битвы. Глава подчёркивает, что победа над Корвусом — это лишь этап в долгой войне.

Глава 82: По пути к Домену Щита

Часть первая. Кровавый след

I

Рассвет над разорённым лагерем союзников был похож на тяжёлый, больной вздох умирающего зверя. Небо, всё ещё затянутое пеплом и гарью от ночных пожаров, не обещало ни тепла, ни света — лишь бесконечную череду серых, безликих часов, которые нужно было прожить, пережить и не сойти с ума от той всепоглощающей усталости, что въелась в кости, в мышцы, в самую душу каждого, кто остался в живых после этой кровавой ночи. Воздух, пропитанный запахом гари, магии и запёкшейся крови, казался вязким, как патока, и он оседал на языке привкусом ржавчины, смешиваясь с горьким дымом тлеющих углей, которые ещё дымились там, где вчера стояли палатки, играла музыка и смеялись люди, празднующие победу. Теперь от той победы остался лишь пепел, да и он, казалось, был пропитан горечью утраты.

Лагерь был похож на поле боя, которое не выиграли, но

на котором всё же умудрились выжить, заплатив за это непомерную цену. Повсюду валялись обломки повозок, почерневшие от огня куски ткани, разбросанное оружие, искорёженные доспехи и бесчисленное множество стеклянных осколков — наследие магии зеркал, которая обрушилась на них столь внезапно и жестоко. Эти осколки, острые как бритва, мерцали в утреннем свете, словно слёзы разбитого мира, напоминая о том, что даже в победе таится горечь поражения, а в каждом триумфе — семена будущей трагедии. Кое-где ещё дымились костры, разведённые из того, что удалось спасти от огня, и вокруг них, сбившись в плотные группы, сидели люди — измождённые, бледные, с пустыми глазами, в которых больше не было ни надежды, ни веры, только тупая, животная готовность к следующему удару.

Ветераны, те, кто прошёл через Ущелье Отражённого Света, через разрушенный город, через Мёртвую Пустошь и Пылающую Бездну, смотрели в одну точку, их лица были каменными, застывшими, как маски древних идолов. В их глазах застыла та особая, глухая усталость, которая приходит после долгой, бессмысленной бойни, когда смерть становится такой же привычной, как собственное дыхание, а боль утраты — такой же обыденной, как утренний холод. Новобранцы, те, кто ещё не успел привыкнуть к этому аду, к этому бесконечному круговороту крови и огня, бледные и растерянные, жались друг к другу, стараясь не встречаться взгля-

дами со старшими, боясь увидеть в их глазах ту пустоту, которая постепенно заполняла и их собственные души. Они ещё не научились умирать и воскресать, как старые волки, и этот страх делал их слабыми, уязвимыми, но одновременно и живыми — теми, кто ещё мог плакать, кричать, молиться.

В центре этого хаоса, на небольшом возвышении, словно на алтаре, воздвигнутом в честь победы, стояла клетка. Чёрная, железная, с толстыми прутьями, оплетёнными новыми, усиленными магическими печатями, которые наложили лучшие маги Домена Щита, она выглядела мрачно и внушительно, как символ власти и одновременно — как напоминание о её хрупкости. Эти печати, сложные, витиеватые узоры, светились тусклым золотистым светом, который то вспыхивал, то угасал, словно дыша в такт с чем-то невидимым. Каждая из них была заклинанием, вплетённым в металл, и они должны были удерживать Корвуса крепче, чем любые цепи. Внутри, прислонившись спиной к холодному металлу, сидел тот, кто когда-то был тираном, повелителем армий, властелином этого мира. Его руки были скованы тяжёлыми кандалами, которые были прикованы к кольцу в полу, и он не мог двинуться больше чем на шаг. Его лицо было бледным, почти серым, словно у мертвеца, на скулах запеклась кровь, а нос — тот самый, который Эйнар сломал накануне — распух, почернел и был перепачкан грязью и засохшей кровью.

Вместо рта торчал грязный, окровавленный кляп, который Ворн запихнул ему накануне. Ткань, когда-то бывшая вражеским знаменем, теперь была пропитана слюной, кровью и грязью, и она искажала лицо Корвуса, делая его похожим на чудовищную маску. Он не издавал ни звука, лишь иногда слышалось его тяжелое, прерывистое дыхание, но его глаза, пустые и безумные, смотрели в одну точку, и в их глубине всё ещё теплилась та странная, отрешённая искра — не надежда, не воля, а что-то более тёмное, что-то, что не могли погасить ни цепи, ни печати, ни унижение. Он ждал. Он всегда ждал. И это ожидание было страшнее любых угроз.

Эйнар стоял в нескольких шагах от клетки, опираясь на меч Рагнара — тот самый, который он взял с могилы брата. Клинок, тяжёлый и холодный, был его опорой, его связью с прошлым, его клятвой, которую он дал умирающему брату. Он не спал всю ночь. Его тело ныло от усталости, рана на спине, полученная в Пылающей Бездне, давала о себе знать тупой, ноющей болью, которая пульсировала в такт сердцебиению. Левая культя, обёрнутая в грязный бинт, пульсировала тем же ритмом, словно там, под тканью, билось второе, чужое сердце — сердце тьмы, которое он унаследовал от Корвуса. Он чувствовал врага — не как человека, а как присутствие. Как тяжелый, маслянистый холод, который просачивался сквозь прутья клетки, сквозь магические печати и оседал в его собственной душе. Эта связь, которую он так

и не смог разорвать до конца, тянулась тонкой, невидимой нитью между ними, и он не знал, как избавиться от неё. Она была его проклятием и одновременно — его инструментом, его чутьём, его «Шёпотом Пустоты».

Сейчас он не думал об этом. Он смотрел на пепелище, на лица своих людей, на их раненые тела, на их пустые глаза — и чувствовал, как внутри него поднимается холодная, тяжёлая волна. Это не был гнев, не была ярость, которые он привык ощущать в бою. Это было что-то более глубокое. Пустота. Та самая пустота, которую он видел в глазах Корвуса, которая жила внутри него самого и которая, казалось, росла с каждым днём, с каждым боем, с каждой смертью.

К нему подошёл Ворн, тяжело ступая по утоптанной земле. Его лицо, покрытое копотью и мелкой каменной пылью, было мрачным, а в глазах застыла усталость, которую не могли скрыть даже его густые седые брови. Он сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины — старый, привычный жест, который он делал всегда, когда чувствовал себя неудобно или когда должен был сообщить плохие новости.

— Потери, командир, — сказал он, и его голос был хриплым, как скрежет камней. — Пятнадцать убитых. Двадцать три раненых. Пятеро из них — тяжело. Ирис уже с ними. Она сказала, что троих мы можем потерять, если не найдём

лекарств.

Эйнар медленно кивнул. Он знал, что могло быть хуже. Намного хуже. Если бы маги зеркал не отступили так внезапно, если бы ассасин успела увести Корвуса в лес, если бы они не держали строй, защищая клетку... Он не хотел думать об этом. Цена была уже заплачена, и она была слишком высока. Вместо этого он повернулся к Ворну и спросил, стараясь, чтобы его голос звучал ровно:

— Ассасин?

— Сидит в отдельной палатке под охраной Лис, — ответил Ворн, кивая в сторону небольшого шатра, стоящего чуть поодаль. — Молчит как рыба. Но Лис сказала, что она рано или поздно заговорит. У неё есть на это чутьё. Разведчица умеет слушать, даже когда её собеседник молчит.

— Хорошо, — сказал Эйнар, и его голос был ровным, лишённым эмоций. — Собери совет. Через час выступаем. Мы не можем оставаться здесь. Нас могут снова атаковать. И в следующий раз они придут с большей силой.

— Куда мы идём? — спросил Ворн, и в его голосе слышалось сомнение. Он переминался с ноги на ногу, и этот жест выдавал его тревогу. Старый воин не любил неизвест-

ность, а сейчас она окружала их со всех сторон.

— К Домену Щита, — ответил Эйнар, и его голос стал твёрже. — Это наш последний шанс на передышку. Там, за его стенами, мы сможем перегруппироваться, пополнить припасы и решить, что делать дальше. Нам нужна база. Нам нужны союзники. И нам нужно время.

Ворн нахмурился, потирая переносицу — жест, который он делал всегда, когда был не согласен с решением командира. Он смотрел на Эйнара с тревогой, и в его взгляде читалось: "Ты уверен? Ты знаешь, что делаешь?".

— Правитель Домена Щита не известен своей щедростью, — сказал он. — Он сидит за своими стенами и ждёт, пока чужая война унесёт всех его врагов. Он не даст нам ничего просто так. Он продаст нам помощь за нашу кровь и нашу свободу.

— Я знаю, — ответил Эйнар, и в его голосе зазвенела сталь. — Поэтому я не буду просить. Я потребую. И у меня есть то, что он не сможет игнорировать.

Он развернулся и пошёл к своему шатру, который каким-то чудом уцелел в ночном пожаре, оставляя Ворна стоять рядом с клеткой. Старый воин проводил его долгим, тя-

жёлым взглядом, и в этом взгляде была тревога. Он знал, что его командир изменился. И эти изменения не всегда были к лучшему.

II

В палатке, куда поместили ассасина, было темно и душно. Единственный источник света — тусклый магический шар, который висел под потолком, отбрасывая на стены длинные, колеблющиеся тени. В этом полумраке лица казались прозрачными, а движения — замедленными, словно время в этом шатре текло иначе. Пахло сырой землёй, потом и старой кровью — запах, который смешивался с запахом страха и напряжения. Пленница сидела на земле, прислонившись спиной к центральному столбу, её руки были связаны за спиной, а на ноги надеты тяжёлые кандалы, которые приковывали её к кольцу, вбитому в землю. Она не выглядела испуганной. Её лицо, скрытое чёрной маской, которую так и не сняли, было непроницаемым, и только глаза, тёмные и пронзительные, сверкали в тусклом свете, как у хищника, загнанного в угол. В её взгляде не было отчаяния, только холодная, выжидающая ненависть и странное, почти религиозное спокойствие.

Лис сидела напротив неё на низкой скамейке, сжимая в руке длинный, тонкий нож. Она не угрожала им, не поигры-

вала им в воздухе — она просто держала его, и это движение было гипнотическим, почти ритуальным. Её единственный глаз был устремлён на пленницу, и в нём не было ни гнева, ни страха. Только холодное, терпеливое любопытство. Она изучала ассасина, как опытный охотник изучает следы, пытаясь понять, что скрывается за этой маской, за этим молчанием, за этим презрением.

— Ты знаешь, что я могу сделать с тобой, — сказала Лис, и её голос был тихим и ровным, как шелест сухой травы. — Я могу заставить тебя говорить. Мне не нужны пытки. Я просто... умею слушать. И я слышу, что ты боишься. Ты боишься не меня. Ты боишься того, что придёт, если ты заговоришь.

Ассасин молчала. Она смотрела на Лис, и в её взгляде не было страха. Только холодная, цепкая ненависть, которая, казалось, была её единственной опорой. Её дыхание было ровным, как у человека, который научился контролировать каждую клетку своего тела. Она сидела неподвижно, как статуя, и только её глаза выдавали бурю, которая клочкотала внутри.

— Ты ничего не знаешь, — прошептала она наконец, и её голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Ты думаешь, что поймала главного. Ты думаешь, что Кор-

вус — это всё. Но ты ошибаешься. Он — всего лишь пешка. Декорация. Настоящий театр начнётся за Доменом Щита.

Лис нахмурилась. Она ожидала услышать угрозы, но не это. Слова ассасина звучали как предупреждение. Как правда, которую она не хотела признавать. Она чувствовала, что за этими словами кроется нечто большее, чем просто попытка запугать её. Это была информация, и Лис знала, что должна её получить.

— Кто стоит за Корвусом? — спросила она, и её голос стал твёрже. Она подала корпус вперёд, сжимая нож чуть крепче.

— Его тень, — ответила ассасин, и в её голосе послышалась насмешка. — Его истинный повелитель. Тот, кто создал его. Тот, кто ждёт его возвращения. Ты думаешь, что победила, но ты всего лишь оттягиваешь неизбежное. И когда оно придёт, ты не сможешь остановить его. Никто не сможет.

Она замолчала и снова уставилась в одну точку, её глаза были пустыми и безумными. Казалось, она ушла в себя, в ту тьму, из которой, возможно, уже не было возврата. Лис смотрела на неё долгую секунду, чувствуя, как по спине пробегают холода. Она была разведчицей, она привыкла к секретам и тайнам, но этот секрет был слишком большим, чтобы игнорировать его.

— Мы ещё поговорим, — сказала она, и в её голосе была сталь. Она медленно поднялась на ноги, её движения были плавными и бесшумными. — Рано или поздно ты расскажешь мне всё, что знаешь.

Она вышла из палатки, оставляя ассасина одну в полумраке. Её шаги были бесшумными, и только лёгкий скрип двери нарушил тишину. Лис глубоко вздохнула, вдыхая свежий утренний воздух, который казался чистым после духоты шатра. Но она знала, что это был лишь иллюзорный покой. Впереди их ждало нечто большее, чем просто война с Корвусом.

Часть вторая. Марш через выжженные земли

III

Через час армия была готова к выступлению. Раненых погрузили в повозки, которые скрипели и стонали под тяжестью человеческих тел и скудных припасов. Колеса медленно вращались, оставляя в пыли глубокие борозды, которые казались слезами земли, оплакивающей ушедших. Ветераны стояли плотным строем, проверяя оружие и доспехи — каж-

дый клинок, каждую пряжку, каждую заклёпку, потому что в бою мелочей не бывает. Их движения были отточены до автоматизма, но в них чувствовалась усталость, которая делала их медленнее, тяжелее, старше. Новобранцы жались по краям, стараясь не попадаться на глаза старшим, но в их движениях уже не было той панической суетливости, которая царила здесь вчера. Ночь, проведённая в лагере среди раненых и мёртвых, научила их смирению. Они больше не рвались в бой, они боялись его, но этот страх делал их более послушными и, возможно, более живучими.

Напряжение в лагере было почти осязаемым, но это было напряжение не страха — оно было похоже на натянутую струну, готовую зазвенеть или лопнуть от малейшего прикосновения. Люди говорили тихо, почти шёпотом, и их голоса были похожи на шорох сухой листвы. Они ждали приказа, ждали движения, ждали, когда командир скажет им, куда идти и что делать.

Эйнар стоял на небольшом возвышении, глядя на своё войско. Он видел их лица — бледные, уставшие, но полные решимости. Он видел их руки, сжимающие рукояти мечей, древки копий, ремни щитов. Он видел их глаза — и в этих глазах он видел отражение своей собственной воли, своего собственного упрямства, своей собственной готовности идти до конца, даже если этот конец будет смертью. Они вери-

ли в него. И эта вера была тяжелее любого груза.

Он поднял меч Рагнара, и клинок сверкнул в бледном утреннем свете, отражая серое небо, которое, казалось, смотрело на них с безразличной жестокостью. Его голос, негромкий, но твёрдый, разнёсся по всему лагерю, заставляя людей замирать и поворачиваться к нему.

— Мы выступаем, — сказал он, и его слова повисли в воздухе, как клятва. — Мы идём к Домену Щита. Это наш последний шанс на передышку. Там мы найдём припасы, союзников и... ответы. Но пока мы идём туда, мы должны быть готовы ко всему. Мы не знаем, что ждёт нас впереди. Мы не знаем, сколько врагов скрывается в этих горах. Но я знаю одно: если мы остановимся, смерть догонит нас. И она будет страшнее любой битвы, страшнее любого врага, потому что она будет медленной. Голодной. Беспощадной.

Он сделал паузу, давая словам осесть в сознании каждого, давая им прорасти, как семена, которые однажды дадут урожай мужества. Он видел, как воины кивают, как их глаза загораются решимостью. Он видел, как Ирис смотрит на него, и в её взгляде он видел всё — любовь, гордость, надежду.

— Но мы не остановимся, — продолжил он. — Мы — «Серые Волки». Мы идём вперёд, потому что отступать

некуда. Мы идём вперёд, потому что у нас нет выбора. Мы идём вперёд, потому что мы — стоя, и стоя держится вместе или падает порознь. Третьего не дано. Третьего не будет.

Он опустил меч и повернулся к колонне. Люди уже строились, их лица были напряжены, но в глазах горела решимость. Эйнар чувствовал, как его культа пульсирует в такт сердцебиению, как скверна внутри него шевелится, откликаясь на его мысли. Он знал, что она никогда не уйдёт. Она была частью его. И он должен был научиться жить с ней.

— Вперёд, «Серые Волки»! — рявкнул он, и его голос прозвучал как боевой рог древних королей, как клич, который поднимает армии и заставляет трепетать врагов.

Колонна пришла в движение. Лязг металла, скрип колёс, топот сапог по каменистой земле — всё это слилось в единый гул, который разносился по горам и ущельям, предупреждая врага о приближении смерти. Этот гул был похож на дыхание гигантского зверя, который медленно пробуждался ото сна. Эйнар шёл в голове колонны, рядом с Ворном и Лис. Рагнар, опираясь на меч, замыкал строй. Ирис шла у повозок с ранеными, держась чуть поодаль, чтобы видеть каждого, кто нуждался в её помощи. Она была их ангелом-хранителем, их последней надеждой, их мостом между жизнью и смертью.

Дорога была трудной. Они шли через выжженные, безжизненные земли, которые простирались до самого горизонта. Земля под ногами была потрескавшейся, покрытой слоем серой пыли, которая хрустела под сапогами, как снег в морозный день. Эта пыль поднималась в воздух облаками, оседала на лицах, на доспехах, на оружии, смешиваясь с потом и кровью, превращая людей в серые, безликие статуи, идущие сквозь ад. Ветер, проходящий между скалами, был с низким, протяжным стоном, похожим на плач потерянной души. Он приносил с собой запах пыли, горелого камня и той сладковатой гнили, которая всегда оставалась после битв с тварями из зеркал. Этот запах въелся в лёгкие, оседал на языке привкусом ржавчины и заставлял каждый вдох даваться с трудом.

Эйнар шёл, не чувствуя усталости. Всё его тело было одним напряжённым комком мышц, готовых к бою в любой момент. Он сканировал взглядом каждую расщелину, каждый выступ скалы, каждую тень, которая могла скрывать врага. Его интуиция, его «чутьё Пустоты», пульсировало в такт сердцебиению, и он чувствовал, как скверна внутри него начинает шевелиться, предупреждая об опасности. Он не знал, что именно его ждёт впереди, но он знал, что это будет что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Лис шла рядом с ним, её единственный глаз был устремлён вдаль. Она тоже чувствовала опасность, и её лицо было напряжённым, но она не показывала страха. Она была разведчицей, и её работа заключалась в том, чтобы видеть опасность там, где её никто не замечает.

— Там, впереди, — сказала она, указывая на узкое ущелье, которое открывалось за поворотом. — Я чувствую их. Не магию. Просто... людей. Они ждут нас.

— Сколько? — спросил Эйнар.

— Не знаю, — ответила она. — Но они знают о нас. Они не прячутся. Они хотят, чтобы мы увидели их.

Эйнар нахмурился. Он смотрел на ущелье, на его узкий, извилистый проход, который был идеальным местом для засады. Он знал, что если они войдут туда, они могут попасть в ловушку. Но у них не было выбора. Другого пути не было. Горы были непроходимы, а обход занял бы слишком много времени.

— Мы идём через ущелье, — сказал он, и его голос был твёрдым. — Но мы будем осторожны. Ворн, ты берёшь авангард. Лис, ты идёшь в разведку. Если они нападут, мы долж-

ны быть готовы. Не дайте им застать нас врасплох.

Колонна начала втягиваться в ущелье, как змея в свою нору. Люди двигались медленно, с осторожностью, каждую секунду ожидая удара. Стены ущелья сужались, и через несколько минут проход стал настолько узким, что в нём могли поместиться только три человека в ряд. Эйнар шёл в авангарде, рядом с Ворном и Рагнаром. Он чувствовал, как внутри него разрастается тревога — не та, что вызывала скверну, а та, что приходила с опытом. Интуиция воина, которая не раз спасала ему жизнь.

— Что-то не так, — прошептал он, не останавливаясь.

— Я тоже это чувствую, — ответил Рагнар. Его голос был хриплым, но твёрдым. Левая рука его висела плетью, но правая сжимала меч с такой силой, что побелели костяшки. — Слишком тихо. Даже птицы не поют.

— Птицы не поют в горах, — буркнул Ворн, но в его голосе не было уверенности.

— Здесь даже ветер стих, — добавил Эйнар, останавливаясь. — Слишком тихо для гор. Слишком тихо для места, где должна быть жизнь.

Он поднял руку, подавая сигнал остановки. Колонна замерла, как единый организм. Наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием людей и редким скрипом колёс. Тишина, которая была громче любого крика. И в этой тишине они слышали звук — низкий, гулкий, похожий на вздох гигантского зверя, который просыпался после долгого сна.

А затем тишина взорвалась.

С вершины ущелья раздался звук рога — пронзительный, леденящий душу, похожий на крик умирающего. Почти сразу же с обеих сторон посыпались камни. Это была не магия. Это был простой, грубый камнепад. Валуны, размером с голову человека, летели вниз, сметая всё на своём пути. Люди закричали, пытаясь увернуться, но было поздно. Несколько воинов упали, сражённые камнями, их тела были раздавлены, доспехи сплющены ударом. Воздух наполнился криками боли и ужаса, которые эхом разносились по ущелью, смешиваясь с грохотом падающих камней.

— Засада! — заревел Ворн, и его голос, как гром, перекрыл шум. — Щиты над головами! Держать строй!

Ветераны мгновенно сомкнули ряды, поднимая над головами тяжёлые щиты с инкрустированной стеклянной мозаи-

кой. Камни ударили по ним, заставляя щиты вибрировать и дымиться, но они держались. Новобранцы, не привыкшие к такой интенсивной атаке, попадали на землю, закрывая головы руками. Некоторые из них были ранены осколками ещё до того, как успели подняться.

Эйнар рванул вперёд, не обращая внимания на камни, которые летели вокруг него. Он видел, как с вершин ущелья появляются фигуры — разбойники, вооружённые копьями и луками. Их лица были грубыми, искажёнными злобой, и они смотрели на отряд внизу, как волки смотрят на стадо овец. Они знали, что заманили их в ловушку. Их было много, около пятидесяти человек, и они были готовы к бою.

— Вперёд! — закричал Эйнар, и его меч сверкнул в свете факелов. — Мы прорвёмся!

Он бросился на разбойников, которые спускались по склону. Его меч описал дугу в воздухе, и первый из них упал с хрипом, его горло было перерезано. Кровь брызнула в стороны, заливая каменистую землю. Второй попытался ударить его копьём, но Эйнар увернулся и нанёс удар в грудь, пробивая кольчугу и плоть. Третий, четвёртый — они падали один за другим, не в силах противостоять его ярости. Его клинок работал с механической точностью, находя уязвимые места, пробивая защиту, сея смерть.

— Ворн! — закричал он, отбиваясь от двух разбойников одновременно. — Левый фланг! Они пытаются окружить нас!

Ворн уже был там. Его топор сверкал в свете факелов, и он рубил направо и налево, пробивая себе путь сквозь ряды врагов. Он был быстр и силен, как молодой волк, и его ярость была заразительна. Рядом с ним сражались ветераны, и их мечи сверкали в воздухе, отражая свет. Они действовали слаженно, как единый организм, прикрывая друг друга, нанося удары, отступая и снова наступая.

Лис и Лира действовали как тени. Они не вступали в открытый бой, а бесшумно двигались по склонам, нанося удары с флангов. Их ножи находили цели с хирургической точностью, и разбойники падали, даже не успев закричать. Их движения были плавными и грациозными, как у танцовщиц, и в них чувствовалась та смертоносная грация, которая приходила только с годами войны.

Бой был жестоким, но коротким. Разбойники, не ожидавшие такого отпора, начали отступать. Они поняли, что напали не на обычный отряд, а на армию, которая прошла через ад и выжила. Их крики смешивались с звоном стали и стоном раненых, и они бежали, оставляя на поле боя своих

убитых.

Эйнар остановился, тяжело дыша. Его меч был обагрён кровью, и он чувствовал, как его сердце бьётся в груди, как никогда раньше. Он посмотрел на поле боя. Вокруг него лежали тела разбойников, и он смотрел на них с холодной, ледяной яростью. Он знал, что они не были главной угрозой. Они были лишь первым предупреждением. Их послали, чтобы проверить его силы, чтобы задержать его, чтобы посеять страх в его рядах.

— Ворн, — сказал он, и его голос был ровным, лишённым эмоций. — Возьми пленных. Нам нужно знать, кто их послал.

— Они не станут говорить, — ответил Ворн, и в его голосе послышалась уверенность. Он посмотрел на тела, на их грубые лица, на их дешёвое оружие. — Они такие же, как и мы. Просто бандиты, которые пытаются выжить. Их послали, но они не знают, кто.

— Тогда мы оставим их здесь, — сказал Эйнар. — Но мы заберём их оружие и припасы. Мы не можем позволить себе роскошь милосердия.

Он повернулся и пошёл к колонне, оставляя Ворна и его

людей добивать раненых разбойников. Он чувствовал на себе взгляды своих людей, и в этих взглядах была смесь уважения и страха. Они видели, как он сражался, как он убивал, как он стал тем, кого они боялись и одновременно уважали.

V

Когда отряд снова двинулся в путь, Эйнар шёл рядом с Ирис, которая перевязывала раненых. Её лицо было бледным, но в глазах горела решимость. Она не боялась войны. Она боялась только одного — потерять его.

— Ты был жесток сегодня, — сказала она тихо, и её голос был ровным, но в нём чувствовалась тревога. Она смотрела на него, и в её взгляде была боль, которую она не могла скрыть.

— Я был тем, кем должен был быть, — ответил он, и его голос был холодным, как лёд. — Это война, Ирис. И в войне нет места милосердию. Если мы проявим слабость, они уничтожат нас.

— Но ты не должен становиться таким, как они, — сказала она, и в её голосе слышалась боль. Она взяла его за руку, и её пальцы были тёплыми, несмотря на холод. — Ты не должен терять себя. Ты не должен становиться чудовищем,

чтобы победить чудовищ.

— Я уже потерял себя, — ответил он, и его голос дрогнул. Он посмотрел на неё, и в его глазах была та же пустота, которую она видела в глазах Корвуса. — Я потерял себя, когда увидел, как Рагнар умирает у меня на руках. Я потерял себя, когда понял, что не могу спасти тех, кто мне дорог. Единственное, что у меня осталось, — это цель. И я должен достичь её любой ценой.

Она смотрела на него долгую секунду, и в её глазах была такая глубокая боль, какой Эйнар никогда не видел. Затем она взяла его за руку, сжимая её так крепко, что побелели костяшки.

— Ты не потерял себя, — сказала она, и в её голосе была уверенность. — Ты просто... меняешься. И я буду рядом, чтобы помочь тебе остаться человеком. Я не позволю тебе стать чудовищем.

Он не ответил. Он просто сжал её руку в ответ, и они пошли дальше, оставляя за собой поле боя, его кровь, его смерть, его боль.

VI

К вечеру они достигли окраин Домена Щита. Это была древняя крепость, сложенная из тёмного, почти чёрного камня, который, казалось, впитывал свет, делая стены ещё более мрачными и внушительными. Они вздымались над равниной, как скалы, вырезанные самой природой, и их вершины терялись в серых облаках. Стены были высокими и толстыми, увенчанными зубцами, и на них стояли стражники с арбалетами в руках. Их лица были напряжёнными, и они смотрели на приближающуюся армию с тревогой. Ворота были закрыты, и из-за них доносился звук голосов и лязг металла — город внутри был живым и шумным, но его ворота были заперты для них.

Эйнар стоял на холме, глядя на крепость. Он чувствовал, как его культа пульсирует в такт сердцебиению, как скверна внутри него шевелится, предупреждая об опасности. Он знал, что правитель Домена Щита не будет рад их видеть. Он был стар и осторожен, и он не хотел впускать чужаков в свой город. У него были свои проблемы, свои войны, свои страхи. И он не хотел, чтобы чужая война пришла к нему.

— Ворота закрыты, — сказал Ворн, подходя к нему. —

Они не хотят нас видеть.

— Тогда мы покажем им, что мы не просто просители, — ответил Эйнар, и в его голосе была сталь. — Мы покажем им, что мы — сила, с которой нужно считаться.

Он повернулся к своей армии. Воины стояли плотным строем, их лица были усталыми, но в глазах горела решимость. Он видел их готовность сражаться, их готовность умереть за него. И это знание придавало ему сил. Он знал, что должен использовать эту силу с умом.

— Мы разбиваем лагерь у стен, — сказал он, и его голос был громким, как боевой рог. — Мы будем ждать, пока они откроют нам ворота. Но мы не будем просить. Мы будем требовать.

Ночь опустилась на лагерь быстро. Костры горели ярко, освещая лица воинов, которые сидели вокруг них, ожидая рассвета. Эйнар сидел у своего шатра, глядя на огонь, и думал о том, что ждёт их впереди. Рядом с ним сидела Ирис, и её присутствие грело его, как тепло от костра.

— Ты думаешь, они откроют ворота? — спросила она тихо, и в её голосе была тревога.

— Они откроют, — ответил он, и в его голосе была уверенность. — У них нет выбора. Мы — их единственная надежда. И они это знают.

Она смотрела на него долгую секунду. Затем она взяла его за руку, сжимая её так крепко, что побелели костяшки.

— Я верю в тебя, — сказала она, и в её глазах была искра надежды. — Я всегда верила в тебя.

— Я знаю, — ответил он, и в его голосе была нежность. — И это помогает мне идти дальше.

VII

Утром Эйнар подошёл к воротам Домена Щита. Он был один. Без оружия. Без щита. Только его культия, его шрамы и его решимость. Он подошёл к воротам и остановился, глядя на стражников, которые стояли на стенах. Его лицо было спокойным, но в глазах горел огонь — тот самый огонь, который вёл его через все битвы.

— Я хочу говорить с правителем Домена Щита, — сказал он, и его голос был громким и твёрдым. — Я — Эйнар Пустой, лидер «Серых Волков». Я пришёл не просить милостыни. Я пришёл предложить союз. И я привёл доказательства.

Стражники переглянулись. Они не знали, что делать с этим человеком, который стоял перед ними с непоколебимой уверенностью. Один из них ушёл в город, и через несколько минут ворота открылись. Правитель Домена Щита вышел к нему — старый, седой человек с острым, пронизательным взглядом. Он был одет в простую, но дорогую одежду, и в его руках был посох, украшенный рунами. Он смотрел на Эйнара с холодной, оценивающей улыбкой.

— Ты думаешь, что я открою тебе ворота? — спросил он, и его голос был тихим, но насмешливым. — Ты думаешь, что я доверю свою судьбу человеку, который пришёл сюда с армией и клеткой? С чего мне верить тебе?

— Я не прошу тебя доверять мне, — ответил Эйнар. — Я прошу тебя доверять фактам. Я победил Корвуса. Я привёл его в цепях. Я — тот, кто спас этот мир от тирании. И я предлагаю тебе стать частью этого нового мира. Твои стены крепки, но моя армия сильнее любого врага, который придёт за мной. Ты можешь присоединиться к нам, или ты можешь остаться в стороне. Но если ты выберешь последнее, ты будешь один, когда тьма придёт за тобой.

Правитель смотрел на него долгую секунду. Затем он медленно кивнул. Его глаза блеснули уважением, смешанным с

осторожностью.

— Ты смел, — сказал он. — Это редкость в наши дни. И ты привёл мне доказательства. Я открою ворота. Но предупреждаю: если ты предашь меня, я убью тебя. Медленно. И с наслаждением.

— Я не предам тебя, — ответил Эйнар. — Я не предаю тех, кто идёт со мной. Мы — стая. И стая держится вместе.

Ворота открылись. Армия вошла в город, и люди смотрели на них с восхищением и страхом. Эйнар прошёл через ворота, чувствуя, как его культа пульсирует в такт сердцебиению, как скверна внутри него шевелится, откликаясь на новый вызов. Он знал, что эта битва не последняя. Но сегодня они были живы. И этого было достаточно.

Часть четвёртая. Сила авторитета

VIII

Эйнар стоял на главной площади Домена Щита, глядя на людей, которые вышли, чтобы увидеть его. Они смотрели на него с восхищением и страхом. Он видел их лица — старые,

молодые, напуганные, надеющиеся. Он чувствовал, как их взгляды ложатся на его плечи тяжёлым грузом. Он был для них символом, надеждой, героем. Но он не чувствовал себя героем. Он чувствовал себя уставшим и пустым.

— Люди Домена Щита! — сказал он, и его голос был громким и твёрдым. — Я пришёл не завоевывать вас. Я пришёл защищать вас. Корвус пал. Его тирания закончена. Но война не кончена. Нам нужно объединиться. Нам нужно строить новое будущее.

Толпа замерла. Они смотрели на него с удивлением и надеждой.

— Я не прошу вас верить мне, — продолжил он. — Я прошу вас верить в себя. Я прошу вас верить в то, что мы можем построить мир, в котором наши дети не будут знать войны. Я прошу вас верить в то, что мы можем победить.

Толпа взорвалась аплодисментами. Люди кричали, смеялись, плакали. Они смотрели на него, как на героя, как на спасителя.

Но Эйнар не чувствовал себя героем. Он чувствовал себя пустым. Пустым и холодным, как те звёзды, которые смотрели на него с небес. Он знал, что это только начало. И он

знал, что эта война будет стоить ему всего.

IX

Ночь опустилась на Домен Щита, когда Эйнар вернулся в свой шатёр. Он сидел на лежанке, глядя на огонь, и думал о том, что ждёт их впереди. Рядом с ним сидела Ирис, и её присутствие грело him, как тепло от костра.

— Ты был великолепен сегодня, — сказала она, и в её голосе была гордость. — Ты вдохновил их. Ты дал им надежду.

— Я дал им надежду, — ответил он, и его голос был тихим. — Но я не знаю, смогу ли я сдержать своё обещание.

— Ты сдержишь, — сказала она, и в её голосе была уверенность. — Ты всегда сдерживаешь свои обещания. Это то, что делает тебя героем.

— Я не герой, — сказал он, и в его голосе была горечь. — Я просто человек, который пытается выжить.

Она посмотрела на него долгую секунду. Затем она взяла его за руку, сжимая её так крепко, что побелели костяшки.

— Ты — герой, — сказала она, и в её глазах была искра

жизни. — Ты — мой герой.

Он посмотрел на неё. В её глазах, в этих глазах цвета старого мёда, он увидел ту же искру, которая вела его через все битвы. Искру надежды. Искру жизни. Искру любви.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, что ты здесь.

— Я всегда буду здесь, — ответила она. — Это не обсуждается.

Он обнял её, и она прижалась к нему, чувствуя, как его сердце бьётся в такт с её сердцем. Они стояли так, глядя на звёзды, на будущее, которое ждало их впереди, и чувствовали, что вместе они могут выстоять против любой тьмы.

Итоги главы 82:

· Сюжетные достижения:

1. Армия успешно добирается до Домена Щита и устанавливает там свою базу.
2. Получены сведения о «тени» Корвуса, что создаёт задел на будущее.
3. Победа над разбойниками и демонстрация пленного

Корвуса укрепляют репутацию Эйнара.

4. Эйнар осознаёт свою новую роль: он больше не просто воин, он — политик и символ надежды.

- Развитие персонажей:

- Эйнар: Учится использовать свою «тьму» как часть стратегии. Его внутренний конфликт смещается: он боится не потерять себя, а стать тираном ради «общего блага». Отношения с Ирис укрепляются, но он понимает, что её любовь — единственное, что удерживает его на краю пропасти.

- Корвус: Его роль сводится к «объекту» и символу. Он унижен, но не сломлен. Его молчание и взгляд из-под кляпа — это предупреждение.

- Ирис: Становится не только целителем, но и советником Эйнара. Она видит его стратегию и поддерживает её, даже когда она жестокая. Она — его моральный компас.

- Лис и Ворн: Действуют как верные исполнители. Ворн — воплощение суровой, нехитрой силы, Лис — холодного разума.

- Новые конфликты и завязки:

1. Интрига с «тенью» Корвуса.

2. Новое положение Эйнара — теперь он официальный глава альянса, что накладывает на него дополнительную ответственность.

3. Напряжение между «Серыми Волками» и новыми солдатами Домена Щита, которые могут не принять дисциплину Эйнара.

· Ключевые сцены: Сцена допроса ассасина, демонстрация Корвуса перед воротами и ночной разговор Эйнара с Ирис у костра.

Глава 83: Встреча с разбойниками

Часть первая. Тени в лесу

I

Лес встретил их угрюмым молчанием. Дорога, которая начиналась как широкая просека у стен Домена Щита, постепенно сужалась, превращаясь в узкую тропу, петляющую между вековыми стволами. Деревья здесь росли плотно, их кроны смыкались над головой, образуя сплошной зелёный шатёр, который пропускал лишь редкие лучи бледного полслеполуденного солнца. Эти лучи, пробиваясь сквозь листву, ложились на землю причудливыми золотистыми пятнами, и в каждом таком пятне, казалось, танцевали маленькие, едва заметные тени. Они двигались сами по себе, независимо от ветра, и это движение было настолько неестественным, что Эйнар, заметив его, на мгновение замер, пытаясь понять, что именно его тревожит.

Эйнар шёл в голове колонны, и каждый его шаг отдавался глухим стуком по утоптанной земле. Воздух здесь был влажным и тяжёлым, пропитанным запахом прелых листьев, сырой коры и той особенной лесной гнили, которая появляется там, где солнце редко касается земли. Этот запах смешивался с запахом пота, железа и старой крови, которые стали неотъемлемой частью его самого за последние месяцы. Он почти не замечал этого — его ноздри привыкли к этому букету войны, как привыкают к запаху собственного тела. Но сегодня что-то было иначе. Сегодня в этом привычном букете появилась новая нота — сладковатая, приторная, похожая на аромат увядающих цветов, смешанный с металлическим привкусом крови. Эта нота была едва уловимой, но она проникала в лёгкие, оседала на языке, и Эйнар чувствовал, как его культия начинает пульсировать в ответ на этот запах.

Его левая культия, обёрнутая в свежий бинт, пульсировала ровным, глубоким ритмом, который отдавался в висках и в груди. Это был не просто боль или усталость. Это был «Шёпот Пустоты» — то самое странное чувство, которое он приобрёл после битвы в Пылающей Бездне. Оно не давало ему покоя с того самого момента, как они покинули стены Дома на Щита. Лес, казалось, реагировал на него, дышал в такт его сердцебиению, и каждый шорох, каждый треск ветки под чьим-то сапогом заставлял его внутренности сжиматься в тугий узел ожидания.

«Шёпот Пустоты» был странным даром. Он не давал ему точных видений, не показывал образов — только смутные ощущения, которые просачивались сквозь его сознание, как вода сквозь трещины в стене. Он чувствовал присутствие жизни вокруг — деревья, птицы, звери, люди. Но сегодня это присутствие было искажённым, словно кто-то наложил на лес тонкую, едва заметную пелену чужой воли. Эта пелена была похожа на паутину, и Эйнар чувствовал, как она касается его кожи, его сознания, его души.

— Ты чувствуешь это? — голос Лис прозвучал за спиной, тихий и напряжённый. Она появилась из-за его плеча бесшумно, как тень, и остановилась рядом, глядя вглубь леса своим единственным острым глазом. Её лицо, всегда спокойное и невозмутимое, сейчас было бледнее обычного, и в уголках губ залегла тонкая, едва заметная складка тревоги. — Что-то не так. Я не слышу птиц. Даже насекомых нет.

Эйнар остановился и поднял руку, подавая сигнал к остановке. Колонна, послушная его жесту, замерла, и на лес опустилась неестественная, звенящая тишина. Только ветер, который, казалось, затаился вместе с ними, едва слышно шелестел в верхушках деревьев, да где-то вдалеке, почти на грани слышимости, каркнул ворон, и этот звук прозвучал зловеще и одиноко.

— Чутьё хищника тебя не обманывает, — сказал Эйнар, не оборачиваясь. Его голос был ровным, но в нём чувствовалась та же напряжённость, что и в воздухе вокруг. — Здесь кто-то есть. Я чувствую это. Не магия зеркал, а что-то другое. Более грубое. Более... первобытное.

Он прислушался к своим ощущениям. «Шёпот Пустоты» внутри него шевелился, как змея в норе, и он пытался разобраться, что именно тот пытается ему сказать. Но это было похоже на попытку услышать голос сквозь толщу воды — слова были неразборчивыми, смазанными, и только смутное чувство опасности пробивалось сквозь эту пелену.

Он закрыл глаза и сосредоточился. Он чувствовал, как культи пульсирует в такт сердцебиению, как скверна внутри него начинает шевелиться, откликаясь на что-то невидимое. И в этот момент он понял — это не просто засада. Это нечто большее. Лес сам по себе был ловушкой. Каждое дерево, каждый камень, каждая тень — всё это было частью чужого замысла. И этот замысел был направлен против них.

— Лис, — сказал он, открывая глаза. — Ты должна проверить лес. Я чувствую, что там что-то есть, но я не могу понять, что именно. Возьми Лиру и пару разведчиков. Двигайтесь тихо. Если увидите что-то странное — возвращайтесь.

Мы не будем рисковать.

Лис кивнула, и в её единственном глазу мелькнула та холодная, цепкая искра, которая появлялась у неё только перед самой опасной работой. Она была разведчицей, и её работа заключалась в том, чтобы видеть то, чего не видят другие.

— Будь осторожна, — сказал Эйнар, и его голос смягчился. — Если почувствуешь что-то странное — возвращайся. Мы не будем рисковать.

Лис усмехнулась — тонко, едва заметно, и в этой усмешке была та особенная смесь азарта и опасности, которая всегда появлялась у неё перед заданием.

— Я всегда осторожна, командир, — ответила она. — Это моя работа.

Она исчезла в лесной чаще так же бесшумно, как и появилась. Её тень растворилась среди теней, и через мгновение Эйнар уже не мог сказать, где она находится. Лес снова сомкнулся вокруг него, и он почувствовал, как тишина стала ещё более звенящей.

Он стоял неподвижно, глядя вглубь леса, и ждал. Минуты тянулись медленно, как застывшая смола, и каждый удар

его сердца отдавался в ушах глухим, пульсирующим эхом. За его спиной слышались приглушённые голоса воинов, которые переговаривались шёпотом, стараясь не нарушать звенящую тишину. Где-то кашлянул новобранец, и этот звук прозвучал как выстрел в этой звенящей тишине.

К нему подошёл Ворн, тяжело ступая по утоптанной земле. Старый воин выглядел мрачным, как всегда перед боем, и его рука привычно лежала на рукояти топора. Его лицо, покрытое сетью глубоких морщин и старых шрамов, было напряжённым, а в глазах застыла та особенная, глухая тревога, которая появлялась у него только тогда, когда он чувствовал, что что-то идёт не так.

— Лис ушла? — спросил он, не глядя на Эйнара.

— Да, — ответил тот, не оборачиваясь. — Она проверяет лес.

— Я не люблю такие леса, — сказал Ворн, и в его голосе послышалась горечь. — Слишком тихо. Слишком правильно. В таких лесах всегда ждёт смерть.

— Ты прав, — согласился Эйнар. — Но другого пути нет. Мы не можем обойти этот лес. Горы с другой стороны слишком крутые, а возвращаться в Домен Щита — значит терять

время. Нам нужно добраться до северных перевалов до того, как враг перегруппируется.

Ворн вздохнул и сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины — старый, привычный жест, который он делал всегда, когда чувствовал себя неудобно.

— Время, — повторил он с горечью. — Всё, что у нас есть, — это время. И враги, которые всегда успевают раньше нас.

— Не всегда, — ответил Эйнар, и в его голосе зазвенела сталь. — Мы всё ещё живы. И мы всё ещё идём. Это то, что делает нас сильнее.

Они замолчали. Тишина снова стала абсолютной, и только ветер, который снова начал шевелиться в кронах деревьев, нарушал эту звенящую тишину. Эйнар чувствовал, как его культи пульсирует всё сильнее, и он знал, что Лис должна вернуться с минуты на минуту.

II

Лис вернулась через пятнадцать минут. Она появилась из-за деревьев так же бесшумно, как и исчезла, но её лицо было бледнее, чем обычно, а на плече темнела глубокая царапина, из которой сочилась тонкая струйка крови. Кровь была

странного цвета — не ярко-красная, а тёмная, почти чёрная, и от неё исходил слабый, едва заметный дымок, похожий на пар от ледяной воды в жаркий день. Царапина была глубокой, но не смертельной, однако сам факт того, что Лис, лучшая разведчица отряда, была ранена, говорил о многом.

— Засада, — сказала она, и её голос был хриплым, как у человека, который долго бежал без остановки. — Они ждут нас в двух сотнях шагов впереди. Лес сужается, и они устроили ловушку на склонах. Арбалетчики на деревьях, а внизу — пехота. Много пехоты.

— Сколько? — спросил Эйнар, и его голос стал жёстче. Он подошёл к ней, осматривая рану. Края царапины были чёрными, и от них исходил тот же сладковатый запах, который он чувствовал с самого начала.

— Не меньше сорока человек, — ответила Лис. — Но это не просто разбойники. Они организованы. Вооружены как солдаты, но без знамён. Я видела их командира. Он здоровенный, с секирой, и от него исходит странная магия. Не та, что мы видели у магов зеркал. Другая. Более тёмная, более грубая. Магия крови.

— Магия крови? — переспросил Ворн, и в его голосе слышалось недоверие. — Я слышал о таких колдунах в юж-

ных землях. Они пьют кровь своих врагов, чтобы стать сильнее. Но я думал, это просто легенды.

— Это не легенды, — сказала Лис, и её голос был холодным, как лёд. — Я чувствовала эту магию. Она замедляет движения и забирает силы. Если мы попадём под неё, мы станем медленнее, слабее. Я едва успела уйти — один из их магов крови заметил меня и ударил заклинанием. Если бы не мой навык «Тень воина», я бы не вернулась.

— Покажи рану, — сказал голос Ирис, которая подошла к ним бесшумно. Она уже была с повязками и мазями, и её руки двигались с той профессиональной точностью, которая приходила только с годами практики. Она осмотрела рану Лис и нахмурилась. — Это не просто царапина. Магия крови оставляет свой след. Если не обработать рану специальным составом, она будет гнить и распространять заразу.

— У тебя есть такой состав? — спросил Эйнар.

— Есть, — ответила Ирис, доставая из сумки маленький пузырёк с тёмной жидкостью. — Это настойка из корня светового цвета и серебряной пыли. Она нейтрализует магию крови. Но это займёт время.

— У нас нет времени, — сказал Эйнар. Он смотрел вглубь

леса, туда, где затаилась засада, и чувствовал, как его культа пульсирует в такт сердцебиению. Он знал, что у них нет выбора. Они должны пройти через этот лес, чтобы добраться до северных перевалов, где их ждали основные силы союзников. Но он также знал, что лобовая атака будет слишком рискованной. — Мы не будем нападать первыми. Мы заставим их атаковать нас на наших условиях. Ворн, ты строишь строй в центре тропы. Щиты вперёд, копья вверх. Они должны думать, что мы испугались и хотим отступить.

— А ты? — спросил Ворн, и в его глазах мелькнула тревога.

— Я пойду вперёд, — ответил Эйнар. — Я буду приманкой. Если их командир увидит, что я иду один, он не удержится. Он захочет убить меня лично. И когда он выйдет вперёд, мы нанесём удар.

— Это безумие, — сказал Ворн, и его голос был резким. — Если он убьёт тебя, мы останемся без командира.

— Он не убьёт меня, — ответил Эйнар, и в его голосе зазвенела сталь. — Я не умру сегодня. Я не умру, пока не закончу это.

Он повернулся к Лис:

— Ты и Лира пойдёте с флангов. Как только начнётся бой, ваша задача — уничтожить арбалетчиков. Если они будут стрелять сверху, мы потеряем слишком много людей.

— Мы сделаем это, — сказала Лис, и её голос был твёрдым. — Они даже не увидят, как мы подойдём.

— Ирис, — сказал Эйнар, поворачиваясь к ней. — Ты остаёшься с ранеными. Если начнётся бой, ты должна быть готова к массовым потерям.

Ирис кивнула, и в её глазах зажглась та самая искра, которая делала её сильной. Она не боялась войны. Она боялась только одного — потерять его.

— Будь осторожен, — сказала она тихо, и в её голосе была мольба.

— Я всегда осторожен, — ответил он, и в уголках его губ мелькнула тень улыбки. — Это моя работа.

III

Эйнар шёл по лесной тропе один. Его шаги были медленными и размеренными, и он специально не скрывал свое-

го присутствия — хрустел ветками, тяжело дышал, позволяя ветру доносить звук его шагов до затаившихся в чаще врагов. Он чувствовал на себе их взгляды, и его культи пульсировала в такт сердцебиению, предупреждая об опасности.

Он шёл, и лес вокруг него постепенно менялся. Деревья становились выше, их кроны плотнее смыкались над головой, и солнечный свет почти не пробивался сквозь эту зелёную крышу. Воздух стал холоднее, и в нём появился новый запах — сладковатый, приторный, похожий на запах старой крови, смешанный с гниющими цветами. Этот запах был знакомым, и он вызывал у Эйнара смутные, тревожные воспоминания.

Он вспомнил разрушенный город, улицы которого были усеяны иссушёнными телами. Он вспомнил, как пахла смерть там — та же сладковатая гниль, тот же приторный аромат, который не выветривался даже спустя дни. Он знал, что этот запах означает, что враг близко. Что они уже здесь, затаились в тени и ждут.

Он прошёл ещё около ста шагов, когда услышал звук — низкий, гулкий, похожий на вздох гигантского зверя, который просыпался после долгого сна. И в этот момент он увидел их.

Разбойники вышли из леса бесшумно и организованно, как солдаты, которые ждали приказа. Их было много — не меньше сорока человек, как и говорила Лис. Они были одеты в рваные, но прочные доспехи, и в их руках сверкали мечи, топоры и копья. Их лица были грубыми, искажёнными злобой, и они смотрели на Эйнара с голодной, животной ненавистью. В глазах каждого из них горел тот же красный огонь, что и у их предводителя — признак того, что они тоже питались магией крови, что они тоже были отмечены этой тёмной силой.

Но внимание Эйнара было приковано к фигуре, которая стояла в центре их строя. Это был атаман — огромный, как медведь, человек в чёрных, тяжёлых доспехах, испещрённых глубокими шрамами. Его лицо было изуродовано старыми рубцами, и глаза горели ярко-красным светом, как у раненого зверя. В его руках была боевая секира с широким лезвием, и от неё сочился тёмный пар, который поднимался в воздух и рассеивался, как дым от сырых дров. Секира была огромной — почти в рост человека, и каждый её удар, казалось, должен был сокрушать всё на своём пути.

Атаман посмотрел на Эйнара, и его красные глаза сузились. Он усмехнулся — широко, зло, и в этой усмешке была та особенная смесь презрения и любопытства, которая появляется у хищника, когда он видит добычу, которая не боит-

ся его.

— Ты — тот самый Пустой? — спросил он, и его голос был хриплым, как скрежет камней друг о друга. — Я слышал о тебе. Думал, ты выше ростом. Или что у тебя будет правая рука. Ха! Ты просто калека, которого сделали героем.

— Я не герой, — ответил Эйнар, и его голос был холодным, как лёд. — Я просто человек, который не умеет сдаваться.

Атаман засмеялся — громко, грубо, и его смех эхом разнёсся по лесу. Этот смех был похож на рёв зверя, и в нём не было ничего человеческого — только животная сила и презрение.

— Ты смешон, Пустой, — сказал он, и в его голосе слышалась насмешка. — Ты пришёл сюда с горсткой людей, думая, что сможешь пройти через наш лес. Ты думаешь, что твоя слава защитит тебя? Ты ошибаешься. Здесь, в этом лесу, нет героев. Есть только мёртвые и живые. И ты скоро станешь мёртвым.

Он поднял секиру, и тёмный пар вокруг неё сгустился, превращаясь в клубящееся облако, которое медленно разползалось вокруг него. Пар был настолько плотным, что

почти скрывал его фигуру, и только красные глаза горели сквозь эту пелену, как два адских угля.

— Я — Гром, — сказал он, и в его голосе зазвенела сталь. — Я был командиром в южных армиях Корвуса. Я выпил кровь своего бывшего командира, чтобы стать сильнее. И теперь я возглавляю эту банду. Мы — «Кровавая Роса». И мы не оставляем свидетелей.

Он взмахнул секирой, и из лезвия вырвался сгусток тёмно-красной энергии, который ударил в землю перед Эйнар-ром. Земля на месте удара вспучилась, почернела и начала дымиться, а воздух наполнился запахом горелого мяса и железа. Трава вокруг мгновенно засохла и рассыпалась в прах, а корни деревьев, которые оказались в радиусе поражения, почернели и начали гнить с ужасающей скоростью.

Эйна-р отпрыгнул в сторону, уклоняясь от атаки, и его меч со свистом вылетел из ножен. Клинок сверкнул в свете факелов, и он приготовился к бою. Он чувствовал, как его культа пульсирует в такт сердцебиению, и он знал, что должен быть осторожен. Магия крови была опасной и непредсказуемой, и он не знал, как на неё реагировать.

Гром бросился на него с нечеловеческой скоростью. Его секира описывала широкие дуги в воздухе, и каждый удар

был подобен удару молота. Эйнар едва успевал уклоняться, и его меч с трудом парировал эти мощные выпады. Он чувствовал, как его руки начинают дрожать от напряжения, и каждый удар отдавался в его теле глухой, пульсирующей болью.

— Ты слаб, Пустой! — крикнул Гром, и в его голосе слышалась насмешка. — Ты не сможешь победить меня! Я сильнее тебя! Я быстрее тебя! И я уничтожу тебя!

Он нанёс удар, который должен был расколоть череп Эйнара, но тот отпрыгнул назад, и секира, пройдя в миллиметре от его лица, вонзилась в землю. Гром попытался вытащить её, но она застряла в корнях старого дуба, и на мгновение он потерял равновесие.

Эйнар не упустил этот шанс. Он рванул вперёд, и его меч описал дугу в воздухе, целясь в незащищённый бок атамана. Клинок вонзился в плоть, и Гром зарычал от боли. Кровь брызнула из раны, но она не была обычной — она была чёрной и густой, и от неё исходил тот же сладковатый запах, который Эйнар чувствовал с самого начала. Кровь зашипела, когда коснулась земли, и на месте падения образовалась чёрная, дымящаяся лужа.

— Ты заплатишь за это! — закричал Гром, и его глаза за-

горелись ярче, словно в них зажгли огонь. Он вырвал секиру из земли и снова бросился на Эйнара, и его удары стали ещё яростнее, ещё быстрее, ещё смертоноснее.

Бой продолжался. Эйнар и Гром кружили по лесной поляне, их клинки сверкали в свете факелов, и их дыхание смешивалось с запахом крови и магии. Эйнар чувствовал, как его силы тают с каждым ударом, и он знал, что должен закончить этот бой быстро, пока не потерял слишком много сил.

Но Гром был силён. Каждый его удар был подобен удару молота, и Эйнар чувствовал, как его руки начинают неметь от напряжения. Он отступал, уклонялся, пытался найти брешь в обороне противника, но Гром был слишком быстр и слишком опытен. Он был воином, который прошёл через сотни битв, и его техника была отточена до совершенства.

И в этот момент он услышал звук — глубокий, вибрирующий, похожий на рог, но более древний и зловещий. Он доносился из глубины леса, и он был настолько мощным, что заставил содрогнуться даже Грома.

Атаман замер. Его лицо на мгновение исказилось от ужаса — не того ужаса, который появляется при виде врага, а того животного страха, который появляется у зверя, который чув-

ствует приближение более сильного хищника. Он посмотрел в сторону леса, и в его красных глазах мелькнула странная смесь ненависти и чего-то похожего на предостережение.

— Нет... — прошептал он, и его голос дрожал. — Они не должны были прийти сюда. Не сейчас. Не здесь.

Он отступил на шаг, его секира опустилась, и он перевёл дыхание. Он всё ещё сжимал оружие, но его внимание было разделено — он смотрел то на Эйнара, то вглубь леса, туда, откуда донёсся звук.

Эйнар увидел это. Он увидел страх в глазах Грома, и он понял, что это не его победа. Атаман просто отвлёкся. Что-то идёт. Что-то более страшное, чем разбойники.

— Ты слышал это? — спросил он, и его голос был ровным, но в нём чувствовалось напряжение.

Гром посмотрел на него, и его глаза сузились.

— Ты не знаешь, что это, Пустой? — спросил он, и в его голосе была насмешка, смешанная со страхом. — Ты думаешь, что ты победил Корвуса и всё кончилось? Ты ошибаешься. Корвус был всего лишь пешкой. Декорацией. Настоящий театр начинается сейчас. И если ты не уйдёшь из этого

леса, ты не увидишь его финала.

Он свистнул, и его разбойники, услышав этот сигнал, начали отступать в лес. Они действовали быстро и организованно, как солдаты, а не бандиты, и через несколько секунд от их строя не осталось и следа.

Гром последний раз посмотрел на Эйнара, и в его глазах мелькнула странная смесь ненависти и предостережения.

— Убирайся из этого леса, Пустой, — сказал он, и его голос был низким и угрожающим. — Иначе они заберут не только твою душу. Они заберут всех, кто идёт за тобой.

Он исчез в чаще, и лес снова погрузился в тишину.

Часть вторая. Отступление в темноту

IV

Эйнар стоял неподвижно, глядя вглубь леса, куда исчез атаман. Его дыхание было тяжёлым и прерывистым, и он чувствовал, как его сердце бьётся в груди с бешеной скоростью. Меч дрожал в его руке, и он не сразу заметил, что всё

ещё сжимает его с такой силой, что побелели костяшки.

Он медленно опустил клинок и глубоко вздохнул. Воздух в лесу стал свежее, но тот странный, зловещий гул, который заставил Грома отступить, всё ещё висел в воздухе, как эхо далёкой грозы. Он не знал, что это было, но он знал, что это не предвещало ничего хорошего.

Из-за деревьев появились Ворн и Лис. Их лица были напряжёнными, а в глазах застыла тревога. Они подошли к Эйнару и остановились рядом, глядя в ту же сторону, что и он.

— Что это было? — спросил Ворн, и его голос был хриплым. — Почему они ушли?

— Я не знаю, — ответил Эйнар, и его голос был ровным, но в нём чувствовалась усталость. — Но я знаю, что это не предвещает ничего хорошего.

— Ты слышал этот звук? — спросила Лис, и в её голосе была тревога. — Он был... странным. Он проникал в самую суть. Я чувствовала его в своей крови.

— Я тоже, — сказал Эйнар. — Это не магия зеркал. Это что-то другое. Что-то более древнее.

Он повернулся к своим людям. Они стояли в строю, их лица были бледными, и в глазах застыла смесь страха и решимости. Они ждали его приказа, и он знал, что не может подвести их.

— Мы отступаем, — сказал он, и его голос был громким и твёрдым. — Мы возвращаемся на север, к открытым пространствам. Там у нас будет преимущество. Мы не будем идти в эту ловушку. Подготовьте раненых. Мы выступаем через десять минут.

V

Отряд начал сворачивать лагерь. Люди двигались быстро и организованно, их руки работали с той механической точностью, которая приходила только с годами войны. Они не задавали вопросов. Они просто выполняли приказы, потому что знали: если командир говорит отступить, значит, так нужно.

Эйнар стоял у своего шатра, глядя на суету вокруг, и чувствовал, как его культа пульсирует в такт сердцебиению. Он не мог избавиться от ощущения, что за ними наблюдают. Что кто-то следит за каждым их движением из глубины этого тёмного, зловещего леса.

К нему подошла Ирис. Её лицо было бледным, и в глазах застыла усталость, но в ней чувствовалась та же стальная решимость, которая вела её через все битвы. Она взяла его за руку, и её пальцы были тёплыми, несмотря на холод.

— Ты ранен, — сказала она, и в её голосе была тревога. — Я видела, как ты сражался. Ты должен позволить мне перевязать тебя.

— Я в порядке, — ответил он, но его голос прозвучал хрипло, и он не стал сопротивляться, когда она взяла его за руку и повела в шатёр.

Внутри шатра было сумрачно и тихо. Ирис усадила его на лежанку и начала снимать доспехи. Её руки двигались быстро и осторожно, и её прикосновения были тёплыми и успокаивающими.

— Ты боишься, — сказала она, и это был не вопрос, а утверждение.

— Я боюсь не за себя, — ответил он, и его голос был тихим. — Я боюсь за вас. За всех вас. За то, что может прийти из этого леса.

Она посмотрела на него, и в её глазах была такая глубо-

кая боль, какой он никогда не видел. Она взяла его за руку, сжимая её так крепко, что побелели костяшки.

— Мы справимся, — сказала она, и в её голосе была уверенность. — Мы всегда справлялись. И мы справимся с этим. Потому что мы вместе.

Он посмотрел на неё. В её глазах, в этих глазах цвета старого мёда, он увидел ту же искру, которая вела его через все битвы. Искру надежды. Искру жизни. Искру любви.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, что ты здесь.

— Я всегда буду здесь, — ответила она. — Это не обсуждается.

VI

Когда Эйнар вышел из шатра, он почувствовал, как его левая культя пульсирует сильнее обычного. Боль, которая всегда была тупой и ноющей, теперь стала острой, пронизывающей, и она поднималась от плеча к шее, к голове. Он почувствовал, как его сознание начинает затуманиваться, как перед глазами появляются тёмные пятна.

Он пошатнулся и упал на колени.

— Эйнар! — закричала Ирис, бросаясь к нему. Она упала рядом с ним на колени, её руки коснулись его лица. — Что с тобой? Что происходит?

— Не знаю, — прошептал он, и его голос был слабым. — Скверна... она поднимается. Она сильнее, чем когда-либо.

Ирис посмотрела на его культю. Чёрный шрам, который всегда был маслянистым и пульсирующим, теперь начал светиться тусклым красным светом. Кожа вокруг него почернела и начала трескаться, и из трещин сочилась та же чёрная, маслянистая жидкость, которую она видела у раненых воинов.

— Я не могу остановить это, — сказала она, и в её голосе был страх. — Это слишком сильно. Это сильнее меня.

— Ты должна, — прошептал он. — Ты единственная, кто может.

Она посмотрела на него. В его глазах, в этих серых, как зимнее небо, глазах, она увидела боль и надежду. Она знала, что если она не сделает что-то, он умрёт. И она не могла позволить ему умереть.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Она чувствовала скверну внутри него — она была похожа на тёмную, маслянистую реку, которая текла по его венам, отравляя его тело и душу. Она знала, что должна остановить эту реку. Она должна была вычистить её.

Она начала петь. Это была та же древняя песня, которую она пела в подвале ратуши, в разрушенном городе, в Мёртвой Пустоши. Слова, которые она не понимала, но которые имели силу. Они звучали как молитва, как гимн, как приказ.

Золотой свет заструился из её ладоней, проникая в тело Эйнара. Он касался скверны, и она начинала отступать. Она была сильной, но свет был сильнее. Он проникал в каждую клетку его тела, выжигая тьму, очищая его, возвращая его к жизни.

Эйнар почувствовал, как боль начинает уходить. Он чувствовал, как его тело наполняется теплом, как его сознание проясняется. Он смотрел на Ирис, и в её глазах, в этих глазах цвета старого мёда, он увидел силу, которую никогда раньше не видел.

— Ты делаешь это, — прошептал он. — Ты спасаешь меня.

— Я всегда буду спасать тебя, — ответила она, и её голос был твёрдым.

VII

Свет становился всё ярче. Ирис чувствовала, как её силы тают с каждым мгновением, но она не могла остановиться. Она видела, как скверна отступает, как чёрная кожа на культе начинает светлеть, как тело Эйнара начинает исцеляться.

И в этот момент она почувствовала что-то странное. Что-то, что она никогда не чувствовала раньше. Внутри культи, там, где когда-то была рука, начала формироваться новая ткань. Кость, мышцы, кожа — всё это росло с невероятной скоростью, создавая новую руку.

— Что... что происходит? — прошептал Эйнар, и в его голосе было удивление. Он смотрел на свою культю, и его глаза расширились от изумления. — Моя рука... она растёт.

— Я не знаю, — ответила Ирис, и в её голосе была смесь удивления и усталости. — Я просто... я просто хочу, чтобы ты был здоров.

Рука росла. Кость формировалась, мышцы переплетались, кожа затягивалась. Это было невероятное зрелище —

процесс, который должен был занять месяцы, происходил за считанные минуты. Ирис чувствовала, как её силы тают, но она не могла остановиться. Она должна была закончить это.

Через несколько минут рука была полностью сформирована. Она была идеальной — такой же, как и та, которую Эйнар потерял у Трона Призраков. Кожа была бледной, но здоровой, и пальцы двигались с той же лёгкостью, что и раньше.

Эйнар смотрел на свою новую руку, и его глаза были полны изумления. Он сжимал и разжимал пальцы, чувствуя, как они двигаются, как они слушаются его. Это было невероятно. Это было чудо.

— Ты сделала это, — прошептал он, и в его голосе была благодарность. — Ты вернула мне руку.

— Я сделала это, — ответила Ирис, и её голос был слабым. — Но я не знаю, как я это сделала.

Она упала на колени, её силы покинули её. Эйнар поймал её, прижимая к себе.

— Ты спасла меня, — сказал он, и в его голосе была нежность. — Ты всегда спасаешь меня.

— Я всегда буду спасать тебя, — прошептала она, и её глаза закрылись.

VIII

Эйнар держал Ирис на руках, чувствуя, как её дыхание становится ровным. Она была жива, но истощена до предела. Её силы были на исходе, и она нуждалась в отдыхе.

Он посмотрел на свою новую руку. Она была идеальной, но он чувствовал, что она была не совсем его. Она была создана из магии, из света Ирис, и он чувствовал, как эта магия пульсирует в его жилах. Он был здоров. Он был цел.

И в этот момент он почувствовал, как его культия перестала пульсировать. «Шёпот Пустоты» исчез. Скверна внутри него затихла, свернувшись в маленький, холодный клубок где-то в груди. Он был свободен.

Он поднял Ирис на руки и понёс её к повозке с ранеными. Люди смотрели на него с изумлением — они видели, как он исцелился, как у него выросла новая рука. Они смотрели на него как на чудо, как на героя, как на бога.

Но Эйнар не чувствовал себя богом. Он чувствовал себя человеком, который был спасён любовью.

IX

Когда Ирис проснулась, они уже вышли из леса. Небо было серым, но в нём чувствовалось обещание нового дня. Воздух был свежим и чистым, и в нём не было того странного, сладковатого запаха, который преследовал их в лесу.

Эйнар сидел рядом с ней, держа её за руку. Его новая рука была тёплой и живой, и он чувствовал, как её пальцы сжимают его пальцы.

— Ты проснулась, — сказал он, и в его голосе была радость.

— Я проснулась, — ответила она, и её голос был слабым, но тёплым. — Мы вышли из леса?

— Мы вышли, — сказал он. — Мы живы. Мы все живы.

Она посмотрела на его новую руку, и в её глазах была усталость и удивление.

— Я не знаю, как я сделала это, — сказала она. — Я просто хотела, чтобы ты был здоров.

— Ты сделала это, — ответил он, и в его голосе была нежность. — Ты всегда делаешь невозможное.

Она улыбнулась — слабо, но тепло. В её глазах, в этих глазах цвета старого мёда, он увидел ту же искру, которая вела его через все битвы. Искру надежды. Искру жизни. Искру любви.

— Я люблю тебя, — сказала она тихо.

— Я тоже, — ответил он, и в его голосе была та же нежность.

Часть третья. Новый день

Х

Отряд двигался на север, оставляя позади лес, его тени, его смерть. Эйнар шёл во главе колонны, и его новая рука сжимала рукоять меча. Он чувствовал себя сильным, здоровым, целым. Он чувствовал, что может сделать всё, что угодно.

Рядом с ним шла Ирис. Её лицо было бледным, но в гла-

зах горела решимость. Она не боялась войны. Она боялась только одного — потерять его.

— Ты думаешь, мы сможем победить? — спросила она тихо.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Но я знаю, что мы будем пытаться. Мы будем пытаться, пока есть силы. Пока есть надежда.

— А если надежды нет?

— Тогда мы будем сражаться без надежды, — сказал он. — Потому что это единственное, что мы умеем делать.

Она улыбнулась — слабо, но тепло. Её глаза, цвета старого мёда, блестели в свете костра, и в них была та же искра, которая вела его через все битвы. Искра надежды. Искра жизни. Искра любви.

— Тогда я буду сражаться рядом с тобой, — сказала она. — До самого конца.

— Я знаю, — ответил он, и в голосе его была нежность, которую он так редко позволял себе проявлять. — Я знаю, Ирис. Я знаю.

XI

Ночь опустилась на лагерь, когда они остановились на привал. Эйнар сидел у костра, глядя на огонь, и думал о том, что ждёт их впереди. Рядом с ним сидела Ирис, и её присутствие грело его, как тепло от костра, которое не даёт замерзнуть даже в самую холодную ночь.

Он смотрел на свою новую руку. Она была идеальной, но он знал, что она была не совсем его. Она была создана из магии, из света Ирис, и он чувствовал, как эта магия пульсирует в его жилах. Он был здоров, но он также был чем-то большим. Он был связан с ней теперь не только любовью, но и магией.

— Что будет завтра? — спросила она.

— Завтра будет новый день, — ответил он. — И мы будем сражаться, как сражались сегодня.

— А потом?

— Потом будет ещё один день. И ещё один. Пока мы не победим. Или пока мы не умрём.

Она взяла его за руку, сжимая её так крепко, что побелели костяшки.

— Я не хочу, чтобы ты умирал, — сказала она. — Я не хочу терять тебя.

— Ты не потеряешь меня, — ответил он. — Я буду бороться. Я буду бороться до самого конца.

— Я тоже буду бороться, — сказала она. — Мы будем бороться вместе. До самого конца.

Он улыбнулся — не той холодной улыбкой командира, которую носил на публике, а той тёплой улыбкой, которую приберегал только для неё.

— Тогда мы непобедимы, — сказал он. — Потому что вместе мы сильнее любой тьмы.

Она улыбнулась в ответ, и в её глазах зажглась искра — та самая искра, которая была главной причиной, почему он всё ещё боролся.

Они сидели у костра до самой ночи, глядя на звёзды, которые сияли в небе, холодные и далёкие, но всё же прекрасные. Они знали, что завтра будет новый день. Новый бой.

Новые потери. Но сегодня, в этот момент, они были вместе.

И этого было достаточно.

Итоги главы 83

Сюжетные достижения:

- Отряд сталкивается с разбойниками Кровавой Росы под командованием Грома, бывшего командира армии Корвуса.
- Бой с атаманом прерывается появлением неизвестной силы, которая заставляет Грома отступить.
- Эйнар получает тяжёлое ранение, и скверна в его теле начинает распространяться с угрожающей скоростью.
- Ирис использует свой дар, чтобы исцелить Эйнара от скверны и вырастить ему новую руку.
- Эйнар становится полностью здоровым, его новая рука работает идеально.

Развитие персонажей:

- Эйнар: Демонстрирует контроль над скверной, но сталкивается с новым типом врага (магия крови). Его внутренний конфликт углубляется: он начинает подозревать, что

война с Корвусом — лишь верхушка айсберга. Получение новой руки меняет его восприятие себя — он снова цел, но понимает, что теперь связан с Ирис не только любовью, но и магией.

- Ирис: Раскрывает свой дар на новом уровне: она не только исцеляет, но и способна регенерировать ткани, создавая новые органы. Это становится ключевым поворотом в её развитии как целительницы и как личности. Она понимает, что её сила растёт, и теперь она может делать невозможное.

- Лис: Её интуиция подтверждается: враг сильнее, чем предполагалось. Она становится более осторожной и осмоторительной. Её рана, нанесённая магией крови, — напоминание о том, что враг опасен.

- Ворн: Его уважение к Эйнару растёт, но он злится на отступление. Он чувствует себя обязанным защищать отряд, но понимает, что командир видит дальше.

- Гром: Враг, который не является финальным боссом. Он связан с прошлым Корвуса, но теперь служит кому-то/чему-то ещё. Его предупреждение — ключ к дальнейшему сюжету.

Развитие навыков и системы:

- Новое пассивное умение Эйнара: «Поглощение хаоса» — устойчивость к сырой магии крови, снижение эффектов дебаффов на 30%.

- Новая способность Ирис: «Регенерация» — способность восстанавливать утраченные органы и ткани. Требует огромных затрат энергии и может привести к истощению.
- Новая информация о врагах: Обнаружен новый тип врага — разбойники Кровавой Росы, использующие магию крови. Также появляются намёки на существование ещё более древней и могущественной силы.
- Уровни: Отряд получает опыт за отражение засады и бой с Громом. Эйнар +5% к навыку «Однорукий мечник», Ворн +3% к навыку «Железная стойка», Лис +5% к навыку «Скрытность в лесу», Ирис +5% к навыку «Регенерация».

Полученные предметы:

- Несколько трофейных артефактов магии крови (будут изучены позже).
- Карта с отметками возможных убежищ разбойников.

Состояние отряда:

- Эйнар полностью здоров, его новая рука функционирует идеально.
- Ирис истощена, но жива.
- Раненые: 5 воинов, все получили помощь.
- Боевой дух: высокий (благодаря чуду исцеления Эйнара).

Глава 84. Победа

Часть первая. Разгром и тишина после бури

Рассвет над лесом был похож на гнойную рану, медленно сочащуюся сукровицей сквозь прорехи в свинцовом небе. Первые лучи солнца, с трудом пробиваясь сквозь плотный полог вековых сосен, падали на землю не золотом, а тусклым, болезненным багрянцем. Они выхватывали из предрасветного сумрака картину абсолютной, звенящей пустоты — ту самую тишину, которая наступает лишь тогда, когда все звуки жизни были безжалостно оборваны. Это была тишина кладбища, где даже ветер боялся шелестеть листвой, поминая павших.

Лесная поляна представляла собой поле битвы, застывшее во времени. Земля здесь больше не была землёй; она превратилась в густое, чавкающее месиво из грязи, опавшей хвои и того, что Эйнар ненавидел называть «красным». Кровь. Она была повсюду. Она пропитала почву, сделав её жирной и липкой, словно смола. Она забрызгала стволы деревьев на высоту человеческого роста алыми кляксами, похожими на отвратительные цветы. Воздух, тяжёлый от сырости и запаха прелых листьев, теперь нёс в себе новый, приторно-сладкий металлический привкус, который оседал на языке вкусом меди и вызывал тошноту у каждого, кто ещё дышал.

В центре этого хаоса стоял он. Эйнар Пустой. Его силуэт казался вырезанным из чёрного обсидиана на фоне серого рассвета. Он не двигался. Его новая рука, созданная магией Ирис, была расслабленно опущена вдоль тела, но пальцы всё ещё сжимали рукоять меча Рагнара с такой силой, что ко-
стяшки побелели. Клинок был чист. Лезвие, прошедшее че-
рез десятки тел за эту ночь, сейчас блестело холодным, рав-
нодушным светом, отражая не небо, а мёртвые глаза тех, ко-
го оно убило. На доспехах Эйнара почти не было крови вра-
гов — он сражался расчётливо, экономно, каждый удар на-
ходил свою цель. Но грязь и пот превратили стальные пла-
стины в тёмное зеркало окружающего кошмара.

У его ног лежало то, что осталось от угрозы. Тела. Десят-
ки тел. Не люди, не разбойники — просто сломанные кук-
лы, небрежно отброшенные в сторону после кровавой игры. Вот молодой парень, новобранец из банды Грома, которому
стрела Лис вошла точно под срез шлема. Его лицо застыло в
маске детского удивления, рот приоткрыт в беззвучном кри-
ке. Рядом с ним ветеран Ворна, седой воин по имени Ульф,
чья жизнь оборвалась от удара копья в бок. Копьё сломалось
о кольчугу, но древко вошло достаточно глубоко, чтобы до-
стать до сердца. Их смерть была быстрой, милосердной по
сравнению с тем, что ждало остальных.

Эйнар медленно перевёл взгляд на центр поляны. Там, среди обломков копий и втоптаных в грязь щитов, возвышалась фигура, которую невозможно было спутать ни с кем другим. Атаман Гром. Бывший командир южных армий Корвуса. Человек, продавший душу магии крови ради силы. Тот, кто называл себя вожаком стаи волков, но сам был бешеным зверем.

Он был жив. Пока что.

Гром лежал на спине, придавленный собственным весом и тяжестью поражения. Его массивная грудь тяжело вздымалась, с каждым выдохом выпуская изо рта облачка пара, смешанного с розовой пеной. Огромная боевая секира, оружие, которое внушало ужас целым деревням, валялась в трёх шагах от него, наполовину зарытая в грязь. Её лезвие, обычно источающее тёмный пар проклятой магии, теперь было холодным и безжизненным. Сила покинула его. Магия крови требовала платы, и сегодня ночью Гром заплатил за неё сполна, исчерпав резервы своего отравленного тела.

Его доспехи, некогда отполированные до блеска, представляли собой жалкое зрелище. Наплечник с правой стороны был смят страшным ударом молота Ворна, обнажив искорёженный металл подкладки. Левый набедренник держался на честном слове, перерубленный клинком Эйнара. Из глу-

бокой раны на бедре толчками выходила кровь — та самая чёрная, вязкая жидкость, которая пахла гнилью и жжёным железом. Но самой красноречивой деталью было его лицо. Маска ярости и презрения треснула. Под ней проступил первобытный страх загнанного животного. Правый глаз заплыл огромным синяком после столкновения головы с сапогом одного из «Волков», нос был свёрнут набок, а губы разбиты в кашу. Он смотрел в серое небо и видел там не богов, а приближающуюся тьму забвения.

— Вставай, — голос Эйнара прозвучал глухо, словно из-под земли. Он не кричал. Ему не нужно было повышать голос. Звук скребущего камня был бы громче в этой ватной тишине.

Гром не пошевелился. Лишь его здоровая рука, закованная в латную перчатку, сжалась в кулак, царапая ногтями мокрую землю. Он издал звук, похожий на рычание раненого кабана — низкий, утробный гул, полный бессильной ненависти.

К атаману подошли двое. Ворн и один из ветеранов. Старый воин наклонился, схватил Грома за ворот иссечённого кожного панциря и рывком поставил на ноги. Гром захрипел от боли в сломанных рёбрах, его колени подогнулись, но Ворн удержал его стальной хваткой. Теперь они стояли ли-

цом к лицу: гигант-варвар и бывший имперский офицер, оба покрытые грязью и чужой кровью.

— Живучая тварь, — прохрипел Ворн, разглядывая пленника с брезгливым любопытством натуралиста, изучающего редкого ядовитого паука. — Я думал, ты сдохнешь от одного моего плевка.

Гром попытался плюнуть ему в лицо, но во рту пересохло, и слюна лишь тягучей нитью повисла на подбородке. Он поднял голову и нашёл взглядом Эйнара. Красный огонь в его глазах угас, сменившись тусклым, болотным свечением безумия.

— Ты... — прошипел он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Ты думаешь, что победил? Вы перебили моих псов. Хорошо. Славная охота. Но ты ничего не знаешь. Ничего! Ты убил мясо, но оставил мозг нетронутым. Настоящий враг... *(он закашлялся, и из уголка рта потекла струйка чёрной крови)* ...он сожрёт вас всех. Всех до единого.

Эйнар сделал шаг вперёд. Его движения были плавными, хищными. Он остановился в двух метрах от пленника, глядя на него сверху вниз. Взгляд командира «Серых Волков» был абсолютно пустым. В нём не было ни торжества победителя, ни гнева судьи. Это был взгляд человека, который

смотрит на кучу мусора, оставшуюся после уборки. Просто работа сделана.

— Заткнись, — ровным голосом произнёс Эйнар. — Твоя магия мертва. Твоя банда мертва. Твои угрозы пусты, как череп твоего бывшего хозяина. Единственное, что имеет значение — это то, что ты дышишь. И это ненадолго.

Он повернулся к своему отряду. Битва закончилась двадцать минут назад, но лагерь уже жил своей жизнью. Ветераны действовали слаженно, как единый механизм войны. Они методично обходили поле боя. Те, кто носил цвета «Серых Волков», получали быстрый осмотр от Ирис или её помощников. Раненых врагов не добивали сразу — их связывали и бросали в общую кучу, предварительно обезоружив. Мертвых раздевали. Это было не мародёрство, а суровая необходимость выживания. Каждая кольчуга, каждый добротный клинок, каждая монета в кошельке убитого врага шли в общий котел отряда, становясь частью брони и оружия для живых.

Ирис была занята. Она сидела на коленях возле Лис, чей плащ на левом плече был пропитан кровью. Царапина от когтей магического фамильяра Грома оказалась глубже, чем казалось вначале. Яд магии крови медленно расползлся по венам разведчицы, заставляя кожу вокруг раны чернеть и по-

крываться сеткой лопнувших капилляров. Целительница тихо шептала слова древнего гимна, её ладони светились мягким золотистым светом, который боролся с ядовитой тьмой. Лис терпела молча, лишь сильнее стискивая зубы, когда боль становилась невыносимой.

Рагнар, опираясь на свой верный топор, стоял чуть поодаль, наблюдая за сбором трофеев. Его левая рука висела плетью — старая рана, полученная в Ущелье Отражений, снова дала о себе знать после вчерашнего марш-броска. Он выглядел усталым стариком, случайно попавшим на поле битвы молодых, но в его единственном зрячем глазу горел тот же холодный огонёк, что и всегда.

Новобранцы жались друг к другу на краю поляны. Для них эта битва стала крещением кровью. Многие из них впервые видели смерть так близко, чувствовали, как тёплая кровь врага брызжет им на лица, слышали хруст ломающихся костей под ногами. Сейчас они выглядели бледными и опустошёнными. Кто-то сидел, бессмысленно уставившись в одну точку, кто-то пытался сдержать рвотные позывы. Но никто не плакал. Слезы высохли вместе со страхом. Они прошли проверку боем, и те, кто остался стоять, перестали быть мальчиками с вилами. Они стали солдатами. Или трупами, которым просто забыли сообщить об этом.

Эйнар окинул взглядом своё войско. Около семидесяти человек. Потери в ночном бою оказались меньше, чем он опасался. Пятеро убитых. Двенадцать раненых, трое из которых — тяжело. Цена победы. Высокая цена. Но приемлемая. Если бы они вошли в ущелье строем, как предлагал осторожный советник из Домена Щита, их бы расстреляли сверху, как мишени в ярмарочном тире. Тактика приманки сработала идеально. Эйнар пожертвовал собой, став наживкой, и вытащил Грома на открытое пространство, где ветераны Ворна сомкнули «железный капкан».

— Командир, — тяжелая ладонь Ворна легла на плечо Эйнара, возвращая его к реальности. — Что с этим делать?

Старый воин кивнул в сторону Грома. Пленник стоял, покачиваясь, поддерживаемый двумя бойцами. Его голова безвольно упала на грудь, но он был в сознании. Он слышал каждое слово.

Вопрос повис в воздухе, густой и острый, как запах свежей крови. Казнить его здесь? Быстро и милосердивно, одним ударом топора? Это было бы самым простым решением. Самым безопасным. Гром никогда бы не заговорил. Он бы умер гордо, как подобает зверю, до последнего цепляясь за свои тайны о той силе, что напугала его в лесу. Та сила, о которой он кричал перед отступлением. *«Настоящий те-

атр начинается сейчас»*. Эти слова эхом отдавались в голове Эйнара, заглушая усталость.

Но Эйнар пришёл в этот мир не для того, чтобы выбирать лёгкие пути. Он пришёл, чтобы изменить правила игры.

— Нет, — наконец ответил он, и его голос разрезал утреннюю тишину, заставив нескольких новобранцев вздрогнуть. — Мы не будем его убивать. По крайней мере, не здесь.

Ворн нахмурился, его кустистые брови сошлись на переносице.

— Объяснись, командир. Этот кусок дерьма слишком опасен, чтобы таскать его за собой. Он замедлит нас. Один неверный шаг, и он перегрызёт кому-нибудь глотку зубами.

— Верно, — спокойно согласился Эйнар. Он подошёл к Грому вплотную. Пленник почувствовал движение и поднял голову. Их взгляды встретились. В глазах Эйнара не было жизни, только бесконечная, ледяная пустота. — Он опасен. Поэтому мы должны использовать эту опасность. Мы возьмём его с собой.

Эйнар протянул руку и грубо ухватил Грома за челюсть, заставляя смотреть себе в глаза.

— Ты пойдёшь с нами, атаман. Ты будешь дышать, есть

наш хлеб и пить нашу воду. Ты будешь видеть наши спины каждый день. Ты будешь жить с мыслью о том, что твоя смерть неизбежна, но время её выберу я. И когда этот час придёт, ты умрёшь не в лесной грязи, как бродячий пёс. Ты умрёшь на площади. Перед сотнями людей. На виду у всего мира.

Гром попытался вырваться, но хватка Эйнара была железной. Боль в сломанной челюсти заставила его замыкать.

— Зачем тебе этот цирк? — прорычал Ворн. — Казнь — это просто конец. Быстрый и чистый.

— Чистый? — Эйнар отпустил Грома, и тот безвольно обвис на руках конвоиров. Командир развернулся к своим людям. Несколько ветеранов и все новобранцы внимательно слушали. — Казнь — это не конец. Это средство. Оружие. Мы убили его банду. Отлично. Завтра на их место придут другие голодные шакалы. Они будут грабить купцов, жечь фермы, насиловать женщин. Потому что они знают: если их поймают, будет быстрая смерть. Стрела в сердце. Меч в брюхе. Это риск профессии.

Он сделал паузу, обводя взглядом лица воинов.

— Но если они узнают, что попасть к нам в руки — значит пережить недели унижения, страха и медленного угасания надежды... а потом умереть публично, позорно, став раз-

влечением для толпы... Тогда они трижды подумают, прежде чем взять в руки нож. Страх должен работать на нас. Пусть они боятся не быстрой смерти в бою, а долгого, мучительно-го ожидания конца.

Воцарилась тишина. Новобранцы смотрели на Эйнара с благоговейным трепетом. Даже ветераны, выдавшие виды, задумчиво молчали. План был жестоким, циничным, но дьявольски эффективным. Это была политика, написанная кровью.

— Кроме того, — добавил Эйнар, понизив голос так, чтобы слышал только Ворн, но достаточно громко, чтобы остальные поняли важность момента, — он знает что-то о той силе в лесу. О том, что напугало его до усрачки. Я хочу услышать это перед тем, как он сдохнет.

Ворн долго смотрел на своего молодого командира. Затем он медленно кивнул, признавая правоту этого холодного расчёта.

— Как скажешь, лидер. Ты всегда видишь дальше других.

Эйнар отвернулся.

— Свяжите его как следует. Кляп в рот. И найдите его знамя. Оно поедет с нами.

Отряд продолжил сборы. Гром был тщательно обыскан. У него отобрали всё: кинжалы, спрятанные в голенищах сапог, удавку из тонкой проволоки, зашитую в пояс, и даже несколько золотых монет, которые он, видимо, хранил «на чёрный день». Его руки стянули за спиной сыромятными ремнями так туго, что кожа побелела, а затем привязали к длинной верёвке, другой конец которой закрепили на луке седла лошади самого опытного всадника. Кляп из грязной тряпки надёжно заткнул ему рот, оставив возможность лишь мычать.

Знамя нашли быстро. Один из новобранцев, обыскивая труп знаменосца, откопал из-под него грязный холст, скатанный в тугой рулон. Когда его развернули, стало ясно, почему Гром так дорожил им. Это было не просто знамя. Это было произведение мрачного искусства. На чёрном фоне была вышита одна-единственная деталь — огромная, невероятно реалистичная красная роза. Лепестки были выполнены из шёлковых нитей разных оттенков алого и бордового, создавая эффект объёма и глубины. Капли росы на лепестках были сделаны из мелких осколков мутного стекла, которые жутковато поблескивали даже в слабом свете утра. Но самое страшное находилось в центре цветка. Вместо пестика или тычинок там был пришит человеческий глаз. Высушенный,

пожелтевший, он смотрел с полотна с выражением вечной муки.

Эйнар взял знамя в руки. Ткань была тяжёлой, напитавшейся влагой и запахом мертвечины.

— Заверните это, — приказал он, передавая знамя Ворну. — Мы покажем это городу. Вместе с головой того, кто это создал.

Через полчаса отряд был готов выступать. Колонна построилась. Впереди, как всегда, шёл авангард из десяти ветеранов. За ними — основная масса пехоты. Повозки с тяжело ранеными разместили в середине строя. Замыкали колонну аррьергард и конвой пленников. Гром, которого пришлось поддерживать двум пехотинцам, шёл прямо за лошадью Эйнара. Каждый его шаг отзывался глухим стуком по корням деревьев.

Они покидали лес. Лес, который впитал в себя столько крови, что земля отказывалась её принимать, оставляя на поверхности липкую, смердящую плёнку. Никто не оглядывался. Оставлять врага за спиной было плохой приметой, но сегодня они уходили победителями, унося с собой главный приз — живого атамана.

Когда последний воин покинул поляну, на край леса,

откуда начиналась тропа, бесшумно выскользнула фигура. Лис. Её единственный глаз зорко осматривал следы. Она убедилась, что отряд ушёл достаточно далеко, и лишь тогда позволила себе прислониться к дереву, давая отдых натруженным мышцам. Рука всё ещё ныла, несмотря на лечение Ирис. Магия крови оставила глубокий след, который будет заживать долго.

Она посмотрела туда, куда ушли её товарищи. Где-то там, впереди, ждал город. Город, который скоро содрогнётся от вести о прибытии «Серых Волков» и их страшного трофея. Лис знала, что Эйнар прав. Эта публичная казнь нужна была не для развлечения кровожадной толпы. Это был первый кирпичик в фундамент нового порядка. Порядок, который они строили на руинах империи Корвуса. Порядок, основанный не на праве сильного, а на страхе перед неотвратимым возмездием.

Она поправила лук за спиной и, неслышно ступая, двинулась вслед за отрядом. Ей предстояло проверить путь на три перехода вперёд. Война не кончается одной победой. Война — это бесконечный поход. И сегодня они сделали лишь маленький шаг на долгой дороге домой.

Часть вторая. Дорога к позору

Путь до ближайшего города занял два дня. Два дня непрерывного марша под моросящим дождём, который превращал дорогу в скользкое глиняное месиво. Гром оказался невероятно выносливым. Несмотря на серьёзную рану и общее истощение от использования магии крови, он упорно переставлял ноги. Он не просил пощады, не скулил и не падал. Он шёл, ведомый лишь животной волей к выживанию и глухой, чёрной ненавистью к тому, кто шёл впереди.

Эйнар намеренно не садился в седло. Он шёл пешком, во главе колонны, рядом с Ворном. Новая рука работала безупречно. Иногда, когда выдавалась свободная минута на привале, он украдкой сжимал и разжимал пальцы, ощупывая гладкую кожу, пытаясь найти хоть малейший изъян, напоминая о том, что конечность чужая. Но её не было. Рука была идеальной. Слишком идеальной. Холодной. И эта идеальность пугала его порой больше, чем сама скверна.

На второй день, ближе к вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту, окрашивая низкие облака в цвет ржавчины, они вышли из леса. Перед ними раскинулась широкая долина, а вдалеке, на холме, показались каменные стены и острые шпили сторожевых башен небольшого пограничного города-крепости. Город назывался Серый Камень. Ней-

тральная территория, торговый узел, где сходились караванные пути с севера и востока. Идеальное место.

Колонна остановилась на вершине последнего холма. Отсюда открывался прекрасный вид на город, и любой дозорный на стенах уже наверняка заметил их появление. Эйнар отдал короткий приказ разбить временный лагерь. Им не нужно было входить в город немедленно. Нужно было дать правителю время осознать ситуацию, испугаться и приготовиться к встрече.

Пока солдаты ставили палатки и разводили костры, Эйнар подозвал к себе Ворна, Лис и Рагнара. Они отошли в сторону от основного лагеря, к самому краю обрыва, откуда открывался вид на долину.

— Итак, — начал Эйнар, складывая руки на груди. — Мы привели его сюда. Теперь нужно разыграть партию правильно. Это не военный гарнизон. Здесь живут торговцы, ремесленники, менялы. Они ценят стабильность превыше всего. Наша задача — продать им эту стабильность ценой жизни одного бандита.

— Продать? — хмыкнул Рагнар. — Скорее уж навязать. Они могут упереться. Потребуют выкуп или вовсе откажутся пускать нас внутрь стен.

— Именно поэтому, — Эйнар повернулся к Лис, — ты отправишься в город прямо сейчас. Одна. Без оружия. Ты войдёшь через главные ворота и потребуешь аудиенции у бургомистра. Скажи им следующее: «Эйнар Пустой, победитель Корвуса, прибыл к вашим стенам. Он принёс дар вашему городу. Дар справедливости и безопасности. Он просит встречи с правителем, чтобы обсудить условия процветания Серого Камня».

Лис скривила губы в своей фирменной полуусмешке.
— Звучит как угроза.

— Это и есть угроза, замаскированная под предложение мира. Они должны понять две вещи: мы сильны и мы можем быть полезны. Наш главный козырь — живой Гром. Они видели его знамя на наших штандартах. Они знают, кто терроризировал торговые пути последние полгода. Мы предлагаем им избавиться от проблемы раз и навсегда.

— А если они захотят оставить его себе? Для допросов?
— спросил Ворн.

— Исключено, — отрезал Эйнар. — Мы отдадим им тело. Уже мёртвое. Но казнь должна пройти на их земле, прилюдно. Чтобы слухи разлетелись по всем окрестностям. Что-

бы каждый бандит отсюда до самых Северных Гор знал: прятаться бесполезно. Закон «Серых Волков» настигнет везде.

План был принят. Лис исчезла в сгущающихся сумерках, растворившись в тени кустарника, направляясь к далёким огням городских ворот.

Ожидание было мучительным. Солдаты нервничали. Священный Гром, брошенный под навесом из плащей, стал центром внимания. Бойцы подходили к нему, плевали в лицо, отпускали грубые шутки. Это было своего рода снятие стресса. Перевод ужаса прошедшего боя в простую, понятную злость на беспомощного врага. Гром принимал всё молча. Он лишь сверлил спину Эйнара ненавидящим взглядом, когда тот проходил мимо.

Эйнар же провёл эти часы в шатре, стоящем наособицу от остального лагеря. Он сидел на складном стуле, глядя на карту местности, разложенную на походном столике. Но он не видел карты. Он видел лица. Лицо брата Рагнара, умирающего у него на руках. Лицо Ирис, полное тревоги. Лицо того мальчишки-разбойника с детским удивлением в мёртвых глазах. Пустота внутри него росла. Каждое такое решение, каждый план, рассчитанный на устрашение, добавлял в эту бездну новый камень. Он становился тем, против кого воевал. Тираном, использующим страх как инструмент управ-

ления. Был ли у него выбор? Возможно, нет. Но легче от этого не становилось.

Ближе к полуночи полог шатра откинулся, и внутрь проскользнула Лис. Она была одета в простой серый плащ с глубоким капюшоном, скрывающим повязку на глазу. Вода стекала с ткани ручьями.

— Ну? — коротко бросил Эйнар, не поднимая головы.

— Всё прошло гладко, — ответила Лис, сбрасывая капюшон. Её волосы были мокрыми. — Бургомистр наложил в штаны, едва услышал моё имя. Я видела, как он лично побежал поднимать городскую стражу и закрывать внутренние ворота. Они боятся нас, командир. Боятся того, что мы принесли.

— Значит, они примут условия, — констатировал Эйнар. — Отлично. Утром мы выступаем. Приготовьте парадное построение. Пусть видят не армию захватчиков, а карающий меч правосудия.

Лис кивнула и вышла, оставив Эйнара наедине с его мыслями и тихим шумом дождя, барабанившего по парусине шатра.

Часть третья. Площадь Справедливости

Утро выдалось ясным и холодным, словно природа решила смыть всю грязь вчерашнего дня. Солнце, поднявшееся над холмом, залило город Серый Камень ярким, безжалостным светом, высветив каждую трещинку в старых крепостных стенах и каждую соломинку на крышах домов.

Город встретил их закрытыми воротами. Но не наглухо. Главные дубовые створки, окованные железом, были приоткрыты ровно настолько, чтобы пропустить небольшой отряд. Ровно столько, сколько нужно, чтобы показать уважение, но сохранить контроль.

Эйнар въехал в город первым. Он сменил свой привычный боевой доспех на парадный вариант, снятый с одного из офицеров армии союзников. Начищенная сталь блестела так ярко, что слепила глаза. Плащ из плотной шерсти, подбитый мехом, развевался за плечами. На поясе висел меч Рагнара. Он сидел в седле прямо, с непроницаемым лицом статуи. Позади него, в идеальном порядке, маршировала колонна «Серых Волков». Шестьдесят семь человек. Дисциплина была безупречной. Ни звука, кроме мерного гула шагов сотен ног по брусчатке.

За ними волокли телегу. Простую крестьянскую телегу, накрытую грязным холстом. Под холстом угадывались очертания чего-то большого и неподвижного. Это был их главный аргумент.

Процессию встречала толпа. Жители высыпали на улицы, толкались в дверях лавок, выглядывали из окон верхних этажей. Сначала стояла гробовая тишина. Люди смотрели на вооруженных воинов, заполонивших узкие улочки, и страх сковывал их языки. Но постепенно шепот перерастал в гул:

— Это они...

— Победители Корвуса...

— Смотрите, какое знамя!

Над головами солдат действительно реяло знамя «Серых Волков», а рядом с ним, на отдельном древке, было водружено знамя поверженного врага. Чёрная ткань с красной розой колыбалась на ветру, и высушенный человеческий глаз в центре цветка, казалось, вращался, обводя толпу своим мёртвым взглядом. Это зрелище притягивало и отталкивало одновременно, вызывая у горожан смесь восторга и первобытного ужаса.

Процессия направлялась к центральной площади. Туда, где обычно проходили ярмарки и казни государственных

преступников. Место уже было готово. Помост-плаху, обычно скрытый в подсобном помещении ратуши, выкатили на середину площади. Вокруг него выстроилась городская стража в начищенных кирасах, ошетилившаяся алебардами. Они пытались выглядеть грозно, но их ряды казались жидкими и хрупкими по сравнению с монолитной стеной ветеранов Эйнара.

Правитель города, бургомистр Клаус, уже ждал их. Это был пухлый, лысеющий мужчина лет пятидесяти, одетый в роскошную шубу поверх бархатного камзола. Он стоял на крыльце ратуши, комкая в пухлых руках кружевной платок. Его лицо было красным то ли от холода, то ли от волнения. Рядом с ним маячил капитан городской стражи — высокий худой человек с лицом, испещрённым оспинами.

Эйнар спешил. Его сапоги гулко ударили о булыжники мостовой. Он поднялся по ступеням ратуши навстречу бургомистру. Расстояние между ними сократилось до шага. Эйнар навис над толстяком, подавляя его своей массой и холодной энергетикой.

— Бургомистр Клаус, — голос Эйнара звучал негромко, но отчётливо разносился по всей площади благодаря акустике зданий. Толпа замерла, ловя каждое слово. — Я приветствую тебя от имени свободных народов, восставших про-

тив тирании. Мой отряд оказал вам услугу. Мы уничтожили угрозу, которая мешала торговле и спокойствию ваших граждан. Банда «Кровавой Росы» больше не существует.

По толпе прокатился вздох облегчения и перешёптывания.

— В знак нашей дружбы и будущего сотрудничества, — продолжал Эйнар, делая широкий жест рукой в сторону накрытой телеги, — я преподношу вам подарок. Символ окончательной победы над беззаконием.

Два солдата из его отряда сорвали холст с телеги.

Толпа ахнула. На дне телеги, связанный по рукам и ногам, весь в грязи и запекшейся крови, лежал атаман Гром. Он был жив. Его глаза, налитые кровью, метались из стороны в сторону, видя сотни лиц, обращённых к нему. Он увидел страх, любопытство, отвращение. Он увидел детей, которые тыкали в него пальцами. Гром замычал сквозь кляп, пытаясь издать боевой клич, но вышел лишь жалкий, булькающий звук.

Эффект был именно таким, на какой рассчитывал Эйнар. Это было не просто задержание преступника. Это было шоу. Театральное представление абсолютной власти. Власть Эйнара была не в количестве мечей, а в способности превра-

тить акт возмездия в публичный спектакль.

— Этого человека зовут Гром, — провозгласил Эйнар, указывая на пленника острием меча. — Он был капитаном армий узурпатора. После падения своего господина он не сложил оружие. Он собрал отбросов общества и назвал их армией. Они грабили ваши караваны. Они убивали ваших сограждан. Они жгли деревни. Сегодня этому положен конец.

Он сделал паузу, позволяя словам впитаться в сознание толпы.

— Согласно законам военного времени, принятым союзными доменами, за преступления против мирного населения полагается смертная казнь. Я, Эйнар Пустой, властью данной мне народом, приговариваю этого человека к смерти.

Бургомистр Клаус, выйдя из ступора, часто закивал головой.

— Да-да, конечно. Безусловно. Мы полностью поддерживаем справедливый суд нашего спасителя. Казнь состоится немедленно. Капитан, приведите приговор в исполнение!

Капитан стражи побледнел. Он посмотрел на Грома — гиганта, покрытого шрамами, способного, казалось, разорвать

цепи голыми руками. Потом он посмотрел на невозмутимых ветеранов Эйнара. Спорить было бессмысленно. Он коротко кивнул и спустился с помоста, жестом подзывая своих людей.

Грома грубо вытащили из телеги. Он сопротивлялся, насколько позволяли путы, извивался змеёй, но четверо дюжих стражников всё-таки поставили его на колени перед плахой. Его прижали к деревянному настилу. Один из стражников вынул изо рта пленника кляп. Гром тут же воспользовался этим.

— Вы все сдохнете! — заревел он, его голос сорвался на хрип. — Вы думаете, что победили? Вы корм для червей! Там, в лесу... там ждёт настоящий хозяин! Он идёт за вами! Он пожрёт ваши души!

Стражник, стоявший сзади, не стал слушать бред. Он коротким, профессиональным движением опустил огромный палаш на шею Грома.

Раздался влажный, чавкающий звук. Голова отделилась от тела и, подпрыгивая, скатилась с помоста прямо под ноги толпе. Кровь ударила фонтаном, орошая деревянный настил тёмно-красным дождем. Тело конвульсивно дёрнулось пару раз и затихло.

Наступила абсолютная тишина. Казалось, даже птицы замолчали. Все смотрели на катящуюся голову. На лице атамана застыло выражение неопишуемой ярости и недоумения. Рот был открыт в последнем беззвучном крике.

А затем толпа взорвалась. Это был не радостный крик победителей. Это был дикий, первобытный вопль освобождения. Люди орали, визжали, хлопали в ладоши. Они пинали голову ногами, словно футбольный мяч, радуясь избавлению от многолетнего страха. Матери поднимали детей, чтобы те увидели торжество справедливости. Торговцы, чьи товары годами страдали от грабежей, выкрикивали проклятия в адрес мёртвого тела.

Эйнар наблюдал за этим с каменным лицом. Он добился своего. Послание отправлено. Страх работает. Но внутри него была лишь звенящая пустота. Он только что превратил убийство в государственный праздник. Он стал зеркальным отражением тех, кого ненавидел. Корвус тоже любил публичные казни.

Он слез с помоста и подошел к бургомистру Клаусу, который трясущейся рукой вытирал пот со лба.

— Надеюсь, мы понимаем друг друга, герр Клаус, — тихо сказал Эйнар. — Безопасность торговых путей — залог ва-

шего богатства. Мы обеспечиваем безопасность. Взамен мы ожидаем лояльности и поддержки. Никаких налогов на проход моих войск. Никаких вопросов. Вы помогаете нам — мы защищаем вас.

Бургомистр энергично закивал, не в силах вымолвить ни слова от пережитого потрясения и облегчения.

— Конечно-конечно. Всё, что угодно. Вы наш защитник.

Эйнар коротко кивнул и, развернувшись на каблуках, пошел прочь с площади. Его отряд последовал за ним, чекая шаг. Они уходили из города так же стремительно, как и вошли, оставляя за спиной обезглавленное тело, ликующую толпу и новый порядок вещей.

Часть четвертая. Эхо победы

Они расположились лагерем в лиге от города, на берегу чистого лесного озера. Вечером того же дня Эйнар сидел у костра, глядя на танцующее пламя. Рядом с ним, завернувшись в тёплый плащ, сидела Ирис. Она молчала, понимая, что ему нужно побыть одному, но её присутствие было лучшей поддержкой.

К костру подошли Ворн и Рагнар. Старые друзья. Братья по оружию.

— Дело сделано, — прогудел Ворн, грузно опускаясь на бревно напротив. — Город наш. Бургомистр будет лизать твои сапоги до скончания века.

— Хорошая работа, командир, — добавил Рагнар, подбрасывая ветку в огонь. Искры взвились вверх, рассыпаясь звездами на фоне темнеющего неба. — Слухи разнесутся быстрее ветра. Через неделю вся округа будет знать: связываться с «Волками» — подписать себе смертный приговор.

— Да, — тихо отозвался Эйнар, не отрывая взгляда от огня. — Слухи разнесутся. Они будут бояться. Будут уважать. Будут подчиняться.

— Разве не этого мы хотели? — осторожно спросила Ирис, кладя свою ладонь на его новую руку. Прикосновение было тёплым, живым. — Покончить с хаосом. Установить закон.

Эйнар посмотрел на неё. В её глазах цвета старого мёда он видел любовь и тревогу. Она чувствовала его состояние лучше, чем кто-либо другой.

— Я хотел справедливости, Ирис, — прошептал он. — А устроил балаган. Сегодня я казнил человека не потому, что

это было необходимо для дела. А потому, что это было полезно для политики. Я использовал его смерть, чтобы купить лояльность жирного торгаша.

— Ты использовал её, чтобы спасти жизни других людей, — возразил Ворн. — Тех, кого Гром убил бы завтра. И послезавтра. Ты прекратил это. Одним ударом. Жестоким, да. Но война вообще не про нежности.

— Я знаю, — Эйнар закрыл глаза. — Но каждый раз, принимая такие решения, я чувствую, как часть меня умирает. Я смотрю в зеркало и вижу там Корвуса. Я вижу тирана.

— Ты не Корвус, — твёрдо сказала Ирис. — Ты борешься за людей. Он — за власть. Есть разница.

Глава 85. Сердце Трясины: Эхо Древних

Топи Забвения не зря носили своё имя. Это было место, где умирали не только люди, но и сама память о них стиралась под толстым слоем гнилой воды и чёрного ила. Земля здесь перестала быть твердую; она превратилась в густое, чавкающее месиво, которое жадно засасывало сапоги при каждом шаге, пытаясь утянуть путника в свои холодные объятия. Воздух был плотным, как мокрая ткань, пропитан миазмами разложения и тошнотворно-сладким ароматом бо-

лотных цветов, чей запах сводил с ума не хуже любого дурмана. Но самым страшным врагом был туман. Он не просто скрывал обзор — он искажал реальность до неузнаваемости. Звуки вязли в нём, превращаясь в глухие шлепки и далёкие, леденящие душу стоны, которые могли принадлежать как умирающему товарищу, так и голодной твари за спиной. Редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь вечную пелену, окрашивали мир в болезненные оттенки сепии, делая его похожим на выцветшую картину безумного художника.

Эйнар шёл во главе колонны, и каждый его шаг давался с усилием, словно он продирался не через грязь, а сквозь само отчаяние этого места. Его новая рука, созданная магией Ирис, была идеальной — сильной, послушной, без единого шрама или изъяна. Она служила живым напоминанием о цене победы и силе любви, но сейчас её пальцы сжимали рукоять меча Рагнара так крепко, что побелели костяшки, и это напряжение передавалось всему телу. «Шёпот Пустоты» внутри него молчал, затаившись, но Эйнар чувствовал иную угрозу — древнюю, первобытную злобу самого болота. Эта ненависть просачивалась через подошвы сапог, поднималась по позвоночнику ледяной волной и оседала тяжестью в груди. Он сканировал взглядом стену тумана впереди, но видел лишь клубящуюся серую мглу. Это было всё равно что смотреть в бездну, ожидая, когда бездна посмотрит в ответ и оскалит свою зубастую пасть.

— Слишком тихо, — раздался рядом хриплый, надсаженный боем голос Ворна. Старый воин тяжело дышал, его огромный топор лежал на плече, готовый обрушиться на врага. Пот стекал по его морщинистому лицу, смешиваясь с грязью. — Даже лягушки не квакают. Мёртвая вода.

— В такой воде всегда кто-то есть, — тихо ответила Лис, идущая слева от Эйнара. Её единственный глаз был прищурен, всматриваясь в пустоту с напряжением натянутой тетивы. Она двигалась с грацией хищника, каждым шагом прощупывая почву перед собой, словно шла не по трясине, а по тонкому льду. — И этот *кто-то* нас уже почуял. Они ждали. Сидели в засаде.

Едва она закончила фразу, как её тренированное тело напряглось, превратившись в тугой комок мышц. Она резко вскинула руку, сжатую в кулак, подавая сигнал остановиться. Колонна замерла мгновенно, повинувшись выработанному рефлексу. Наступившая тишина была абсолютной, звенящей, нарушаемой лишь тяжёлым, сбивчивым дыханием семидесяти человек и тихим, зловещим бульканьем пузырей газа, поднимающихся со дна трясины. Казалось, сам воздух замер в ожидании.

А затем туман взорвался звуком.

Это был пронзительный, вибрирующий визг, который резал слух подобно звуку разрываемого металла, смешанный с утробным, влажным рычанием зверя, учуявшего кровь. Звук донёлся одновременно со всех сторон, дезориентируя и заставляя воинов инстинктивно вскидывать щиты в тщетной попытке защититься от невидимой угрозы. Из молочной пелены справа вырвались первые тени — быстрые, приземистые, скользящие по поверхности жижи с невозможной для живого существа скоростью, оставляя за собой вспененный след.

****Болотная сцинка.**** Уровень 7.

Существо походило на кошмарную пародию на ящерицу, рождённую в воспалённом бреде больного лихорадкой. Длинное, гибкое тело, покрытое глянцевой, маслянисто-чёрной чешуей, которая казалась мокрой даже на суше; приплюснутая голова с пастью, полной игольчатых зубов, способных перекусить человеческую кость; и глаза-бусинки, горящие тускло-красным светом, лишённые всякого интеллекта, кроме голода. Оно взвилось в прыжке, целясь в горло ближайшего новобранца — совсем юного паренька, чья кольчуга висела на нем мешком. Парень даже не успел закричать. Раздался влажный хруст, фонтан тёмной, почти чёрной крови оросил лицо стоящего рядом ветерана, и тварь, увлаки-

вая обмякшее тело под воду, скрылась в трясине так же быстро, как и появилась, оставив после себя лишь расходящиеся круги.

Начался хаос. Болото вокруг отряда буквально ожило. Десятки существ вырывались из-под воды и грязи, атакуя с флангов и тыла. Они были похожи на стремительные чёрные молнии, их визги сливались в единый оглушающий хор, от которого закладывало уши. Один из ветеранов, опытный боец по имени Ульф, ветеран десятка кампаний, успел вонзить копьё в бок прыгнувшей на него сцинки, но та, вместо того чтобы упасть, извернулась в воздухе с нечеловеческой гибкостью и сомкнула челюсти на его предплечье. Хруст ломаемой кости перекрыл даже боевой клич Ворна.

— Сомкнуть строй! Щиты! Не давайте им окружить! Держать линию! — заревел Эйнар, его командирский голос прорезал панику подобно ножу, отсекающему страх от долга. — Отходим к сухому месту!

Он активировал пассивное умение **«Поглощение хаоса»**. Скверна внутри него, обычно отзывающаяся болью на чужую магию, на этот раз осталась инертной, словно уснувший зверь. Вместо этого он почувствовал странную устойчивость, лёгкость в движениях. Магия болот, сырая и примитивная, основанная на гниении и яде, больше не замедля-

ла его рефлексy, позволяя двигаться быстрее мутировавших обитателей топей. Он ринулся вперёд, навстречу ближайшей группе тварей, решив принять удар на себя.

Его новый клинок сверкнул в тусклом свете, описав идеальную, смертоносную дугу. Меч Рагнара, казалось, обладал собственной волей, сам находя цели. Первая сцинка лишилась головы одним ударом, её туша плюхнулась в грязь. Вторая попыталась вцепиться ему в ногу, метя в подколенное сухожилие, но Эйнар с нечеловеческой скоростью опустил на неё стальной сапог, дробя череп и вбивая тварь обратно в жижу. Он сражался экономично, расчётливо, используя каждую каплю своей выносливости и новые возможности тела. Умение ****«Однорукий мечник»**** (+5% к скорости атаки) делало его выпады подобными ударам змеи — непредсказуемыми и смертельными, компенсируя отсутствие второй руки идеальным балансом клинка, выкованного великаном.

Вокруг кипела битва, похожая на адскую карусель. Ветераны, прошедшие огонь Ущелья Отражённого Света и пепел разрушенного города, действовали как единый, несокрушимый механизм. Они формировали островки стабильности в море хаоса, прикрывая друг друга щитами, инкрустированными стеклянной мозаикой, и нанося короткие, точные колющие удары поверх строя. Новобранцы же гибли один за другим. Их страх делал их медленными, неуклюжими целя-

ми, лёгкой добычей. Одна из тварей запрыгнула на спину молодому солдату, сбила его с ног своим весом и начала остервенело рвать кольчугу на шее, пока тяжелый молот другого ветерана не опустился сверху, превратив её в кровавое, бесформенное месиво.

— Отступаем! Все назад! К сухой земле! Живо! — снова крикнул Эйнар, видя, что строй начинает прогибаться под натиском бесконечной стаи. Лобовая атака в этом тумане была самоубийством. Единственным шансом выжить был небольшой каменистый выступ, поросший сухим мхом и лишайником, который отряд миновал минуту назад. Там, по крайней мере, можно было стоять твёрдо, не рискуя быть затянутым в трясину.

Приказ сработал. Дисциплина, вбитая в солдат месяцами тренировок под руководством Ворна и постоянными стычками, взяла верх над животным ужасом. Отряд начал медленно, огрызаясь сталью и теряя людей, пятиться назад. Эйнар и Ворн остались в арьергарде, работая как два несокрушимых столпа обороны. Ворн, чья пассивная способность **«Железная стойка»** (+3% к сопротивлению физическому урону) позволяла ему принимать на себя самые мощные укусы и удары когтей, размахивал топором, создавая зону смерти, куда не смели соваться даже самые отчаянные сцинки. Эйнар же действовал как хирург или палач — его меч мелькал

с калейдоскопической быстротой, прорубая путь к отступлению, каждый удар был точным и смертоносным.

Они достигли сухого места. Это был скорее не холм, а нагромождение огромных, замшелых валунов, торчащих из болота подобно спинам древних, окаменевших гигантов. Здесь почва была относительно твердой, покрытой лишь тонким слоем пыли и сухих листьев. Бой прекратился так же внезапно, как и начался. Сцинки, эти порождения топей, оказались неспособны выбраться на сухую скальную породу. Они кружили у подножия каменного острова, их красные глаза светились из тумана, как угли в печи, а разочарованный, голодный визг эхом отражался от камней, действуя на нервы не хуже самой атаки.

Отряд собрался на крошечном пятачке безопасности. Выжившие тяжело дышали, опираясь на оружие и глядя в туман с усталой ненавистью. Потери были чудовищными. Два новобранца мертвы — их тела остались там, в трясине, став пищей для монстров. Ещё трое ранены, один очень тяжело. Ульф сидел на земле, прислонившись спиной к валуну. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, кость белела сквозь разорванный рукав кольчуги, образуя жуткий, неестественный угол. Лицо старого воина было пепельно-серым от боли и кровопотери, пот крупными каплями катился по лбу, но он молчал, лишь скрипел зубами, пытаясь сохранить сознание.

Рядом с ним суетился другой ветеран, пытаясь перетянуть рану выше локтя грязной тряпкой, но самодельный жгут уже пропитался кровью.

Ирис бросилась к раненым, расталкивая столпившихся солдат. Её взгляд метался от одного лица к другому, оценивая тяжесть повреждений профессиональным, отстранённым взглядом целителя, хотя сердце её сжималось от жалости. Яд сцинок действовал дьявольски быстро, вызывая паралич периферических нервов и некроз тканей. Ей нужно было действовать немедленно, иначе Ульфугу грозила потеря руки или заражение крови.

Но первым делом её внимание привлекло другое тело. Молодой парень, Кай. Тот самый, что ещё вчера восторженно слушал байки Ворна у костра, мечтая о подвигах. Теперь он лежал навзничь, раскинув руки, словно пытался обнять небо в последний раз. Его глаза были широко открыты и пусты, уставившись в никуда, рот искривлён в последнем беззвучном крике ужаса. На горле зияли четыре рваные раны от клыков сцинки, края которых уже начали чернеть от яда. Кровь уже остановилась, запекшись густой, липкой коркой.

Он был мёртв.

Ирис упала на колени рядом с ним. Её тонкие пальцы кос-

нулись холодной шеи, проверяя пульс, хотя разум уже принял очевидное. Нет пульса. Сердце не билось. Грудная клетка неподвижна. Душа покинула тело, улетев туда, куда не дотянется обычная магия исцеления. Обычное исцеление тут бессильно. Но... она чувствовала это. Чувствовала угасающую, едва заметную нить жизни, тонкую, как паутинка, которая вот-вот должна была оборваться навсегда. Дар, полученный ею после титанического усилия по восстановлению руки Эйнара, вырос. Он эволюционировал, требуя выхода на новый уровень.

Собрав всю свою волю в кулак, Ирис закрыла глаза. Мир вокруг перестал существовать. Шум дыхания, стоны раненых, шипение тварей внизу — всё исчезло. Остались только она, умирающий парень и золотистое тепло, которое всегда жило в её душе, являясь источником её силы. Она потянулась к этому теплу, зачерпнула его обеими ладонями, позволяя ему течь через себя мощным, ослепительным потоком чистой жизненной энергии. Это было новое, высшее проявление её дара — способность не просто лечить живое, но возвращать жизнь туда, откуда она ушла, воскрешая мертвого.

Процесс был мучителен. Золотой свет, исходящий от её рук, стал настолько ярким, что солдаты невольно зажмурились, отворачивая лица. Энергия текла не плавно, а болез-

ненными, рваными импульсами, причиняя физическую боль самой целительнице. Каждая клетка её собственного тела кричала от напряжения, мышцы сводило судорогой, а в висках стучала кровь. Она направляла эту колоссальную силу в грудь Каю, приказывая его сердцу забиться вновь, заставляя кровь снова бежать по венам, заново сплетая разорванные ткани гортани и очищая сосуды от трупного яда.

Прошла секунда. Две. Три. Вечность.

Тело парня выгнулось дугой. Он судорожно вдохнул, будто вынырнул из-под толщи ледяной, черной воды, и закашлялся, разбрызгивая капли чёрной слизи вперемешку с желчью. Его веки затрепетали и открылись. Взгляд был безумным, непонимающим, полным животного ужаса, но главное — он был жив. Жив!

Кай был воскрешён.

Силы покинули Ирис мгновенно, словно воздух из проколотого бурдюка. Свет погас так же резко, как и вспыхнул. Она рухнула на землю рядом с воскресшим парнем, её дыхание стало поверхностным и частым, как у загнанного зверька. Перед глазами плясали черные пятна, мышцы дрожали от истощения, а уровень её внутренней энергии (**маны**) упал до критической отметки, мигая красным в её сознании.

Применение способности **«Регенерация»** (уровень повышен!) дало ей +5% к навыку **«Исцеление»**, но цена была колоссальной — полное физическое истощение.

Она слышала голоса, но они доносились издалека, словно сквозь толстый слой ваты:

— ...она сделала это...

— ...как? Он же был мертвее камня... Я видел, как душа отлетает...

— Тише! Ради всего святого, дайте ей воздуха! Не толпитесь!

Сквозь шум в ушах и гул крови она услышала новые звуки — протяжные, полные муки стоны других раненых. Она не могла оставить их. Собирая остатки воли, которые, казалось, вытекали из неё вместе с потом, Ирис приподнялась на дрожащих локтях. Её шатало, земля уходила из-под ног, но цель была ясна. Она видела бледное, бескровное лицо Ульфа, видела, как синеют его губы, а дыхание становится прерывистым — яд продолжал действовать.

Нет. Больше никто не умрёт. Не сегодня.

Она подняла руки, которые теперь дрожали так сильно, что это было заметно всем окружающим. Закрыв глаза, чтобы сосредоточиться, она прошептала слова древнего гимна,

вкладывая в него последние крохи своих сил. Это было массовое заклинание, **«Свет очищения»**. Широкая волна мягкого, золотистого света прокатилась по отряду, накрывая каждого теплым куполом. Теплая, живительная энергия коснулась каждого: неглубокие царапины и укусы затягивались на глазах, яд выходил из тел вместе с потом и рвотой, оставляя на коже темные разводы. Ульф глубоко вздохнул, его лицо начало приобретать нормальный цвет, а сломанная рука, хоть и оставалась повреждённой, перестала выглядеть как открытая рана. Критическое состояние сменилось тяжелым, но стабильным. Он все еще нуждался в покое и настоящей помощи мага-целителя, но непосредственная угроза жизни отступила.

Закончив, Ирис окончательно обессилела. Она бы упала лицом в грязь, если бы чьи-то сильные, надежные руки не поддержали ее сзади. Эйнар. Он стоял рядом, его лицо было суровым и сосредоточенным, но в серых глазах читалась бесконечная тревога и восхищение. Он бережно помог ей сесть, прислонив спиной к теплему, шершавому боку валуна, защищая от ветра и взглядов солдат.

— Ты... спасла его, — выдохнул он, глядя то на приходящего в себя Кая, который ошарашенно ощупывал свое горло, то на бледную как полотно Ирис. — Ты вернула его из-за грани. Никто раньше такого не делал.

— Я... должна была, — прошептала она, пытаясь улыбнуться, но губы её не слушались. — Я чувствую вас всех. Каждую жизнь. Когда одна из них гаснет... это как порез на моей собственной душе. Я не могла иначе.

Эйнар ничего не ответил. Он просто сжал её плечо в знак поддержки и поднялся на ноги, переключаясь на роль командира. Нужно было решать, что делать дальше. Они были загнаны на этот островок посреди смертельной ловушки. Впереди — топь, кишашая монстрами. Позади — такая же топь. Остаться здесь означало ждать медленной смерти от обезвоживания, новой атаки или потери боевого духа. Нужно было найти выход, и найти его немедленно.

Пока Эйнар осматривал окрестности, к нему бесшумно, словно призрак, приблизилась Лис. Её плащ был испачкан болотной грязью, а повязка на глазу промокла от конденсата тумана.

— Командир, — её голос был тихим, но напряжённым, как натянутая струна лиры. — Этот камень... он не природный. Посмотри на основание.

Эйнар проследил за её взглядом. Лис указывала на нижнюю часть того самого валуна, у которого сидела Ирис. При-

глядявшись внимательнее, игнорируя усталость, он заметил то, что укрылось от его взгляда раньше: форма камня была слишком правильной. Это был блок. Огромный, оплетенный тысячелетними корнями деревьев и покрытый вековым, изумрудным мхом, но несомненно обработанный рукой человека или иного разумного существа. Это была кладка.

Лис обошла валун и провела пальцами в кожаной перчатке по стыку между камнями. Раздался тихий скрежет.

— Здесь шов, — констатировала она. — Идеально подогнанные блоки. И смотри сюда.

Она указала на склон соседнего, более высокого камня, который возвышался над ними. Вся его поверхность, обращенная к болоту, была покрыта сложной резьбой, почти стертой временем, ветрами и кислотными дождями. Эйнар подошел ближе, счищая перчаткой слой влажной земли и слизи. Резьба изображала батальные сцены исполинского масштаба. Фигуры воинов в три человеческих роста штурмовали стены крепости, лица, застывшие в крике ярости или боли, падающие знамена, похожие на крылья гигантских птиц. А в центре композиции находилось нечто, напоминающее гигантский трон или алтарь, сложенный из осколков черного, обсидианового стекла, который пожирал фигуры врагов.

— Руины, — произнес Эйнар. Голос Ворна, раздавшийся за спиной, заставил обоих обернуться. Старый воин выглядел мрачнее тучи, но в его глазах зажегся интерес.

— Что нашли, командир?

— Древнее убежище, — ответил Эйнар, выпрямляясь и отряхивая руки. Его взгляд был устремлен в темноту между камнями. — Или крепость. Мы стоим на её крыше.

Идея сформировалась в его голове мгновенно, четкая и холодная, как лезвие меча. Это был не просто выход — это была возможность нанести ответный удар судьбе, которая загнала их в ловушку.

— Лис, проверь периметр этой площадки. Найди вход. Любой лаз, любую трещину. Ворн, построй людей. Нам нужен отдых. Час. Пусть перевяжут раны, напьются воды. Еды не давать, чтобы не хотелось пить. И пусть сидят тише мыши. Если эти твари внизу нас потеряют, будет лучше.

Пока Лис исчезла в тумане, Эйнар вернулся к Ирис. Она полулежала, закрыв глаза, но была в сознании, просто полностью выжата. Он сел рядом с ней прямо на сырую землю, не заботясь о чистоте одежды.

— Как ты? — спросил он, снимая перчатки и отбрасывая их в сторону.

— Словно меня выжали досуха, а потом пропустили через мясорубку, — призналась она, наконец открывая глаза цвета старого меда. — Но я в порядке. Просто нужно немного времени и тишины.

— Ты совершила чудо, — сказал Эйнар, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение, смешанное с первобытным страхом за неё. То, что она сотворила, выходило за рамки его понимания мира. — То, что ты сделала с Каем... это выше моего понимания. Это божественно.

— Это мой дар, — слабо пожала плечами Ирис. — Он растёт. Вместе с нашей связью. Я чувствую тебя, Эйнар. Всегда. Постоянно. Как тёплое солнце внутри. И я знала, что если не попытаюсь, то потеряю не только его, но и часть себя. Часть той, кем я стала благодаря тебе.

Эйнар накрыл её руку своей. Его культя привычно ныла фантомной болью, но сейчас это было неважно. Важна была только она — эта хрупкая девушка, способная повелевать жизнью и смертью, которая держала на своих плечах весь его отряд.

— Спасибо, — тихо сказал он, наклоняясь ниже. — За то, что ты здесь. За то, что ты моя.

— Я всегда буду твоей, — прошептала она в ответ, слегка сжимая его пальцы своими ледяными пальчиками. — Это не обсуждается.

Их идиллию нарушил тихий, мелодичный свист Лис — условный сигнал «все чисто». Эйнар встал и увидел её фигуру на вершине самого большого валуна. Она призывно махала рукой, её силуэт четко выделялся на фоне чуть менее плотной стены тумана.

Подъем оказался несложным, но требующим осторожности. Камни были покрыты скользким мхом, но многочисленные естественные уступы и трещины позволяли карабкаться вверх. Оказавшись наверху рядом с разведчицей, Эйнар понял причину её сигнала.

На противоположной стороне каменного острова, скрытого от основного отряда естественным склоном и густым туманом, в отвесной стене скалы зиял темный провал. Это был идеально ровный прямоугольный проход, высотой в два человеческих роста, наполовину утопленный в породе. Над входом сохранился фрагмент барельефа: оскаленная морда неизвестного зверя, выполненная с таким мастерством, что

казалось, будто его каменные глаза до сих пор зорко следят за подступами к вратам.

— Вот оно, — выдохнул Эйнар, ощущая смесь восторга и тревоги. — Древний путь. Дорога, построенная теми, кто жил здесь задолго до Корвуса.

— Похоже на то, — кивнула Лис, принюхиваясь. — Запах оттуда идет... затхлый. Сухой. Никакой болотной гнили, плесени или сырости. Там безопасно. По крайней мере, от яда сцинок мы будем защищены.

— Безопасно ли? — переспросил Эйнар, заглядывая в непроглядную тьму тоннеля. Холодный воздух, веявший оттуда, пах пылью веков и сухим камнем. — Это может быть ловушка похуже топей. Древняя магия, забытые стражи... Мы не знаем, что ждет нас там.

— Выбор небогатый, командир, — криво усмехнулась Лис, поправляя ремень колчана. — Либо мы остаемся кормить местных ящеров, либо рискуем познакомиться с призраками прошлого. Я выбираю призраков. Они хотя бы сухопутные и предсказуемые.

Эйнар посмотрел вниз. Его отряд выглядел жалко. Уставшие, окровавленные, морально сломленные люди жались

друг к другу на клочке суши посреди враждебного мира. Ульф, поддерживаемый двумя товарищами, пытался встать. Кай сидел, бессмысленно уставившись на свои руки, которыми он только что цеплялся за саму смерть, и мелко дрожал. Ирис смотрела на него снизу вверх, и в её взгляде читалась смертельная усталость, но и непоколебимая решимость продолжать борьбу.

Решение было принято.

Спуск занял несколько минут. Эйнар собрал вокруг себя командиров — Ворна и Рагнара (который хоть и хромал на левую ногу из-за старой раны, полученной в Ущелье, но держался бодро и сжимал свой верный топор).

— Слушайте внимательно, — начал Эйнар, понизив голос так, чтобы слышали только они. — Там, внизу, наш единственный шанс. Это руины. Возможно, древняя дорога через болото, построенная, чтобы обойти эти топи стороной. Мы не знаем, что нас ждет. Может быть, там нет ни выхода, а только тупик и смерть от голода. Но здесь, наверху, наша судьба предрешена. Нас перебьют по одному.

Он сделал паузу, обводя их тяжелым, уверенным взглядом.

— Поэтому мы спускаемся. Порядок следующий: аван-

гارد — десять лучших бойцов, Лис и Ли́ра идут в разведку в двадцати метрах впереди. Центр — раненые на носилках и основная масса. Арьергарт — двадцать ветеранов. Если наткнемся на врага, никаких геройств. Наша задача — пройти насквозь, сохраняя строй. Вопросы?

Вопросов не было. Лишь Ворн мрачно кивнул, а Рагнар крепче сжал рукоять оружия.

— Тогда выдвигаемся. Ирис, ты пойдешь в середине, рядом с носилками для Ульфа. Будешь готова ко всему, но береги силы. Ты нам нужна живой.

Церемония прощания с павшими заняла всего пару минут. Тела забрать было невозможно. Эйнар просто положил свой меч поперек двух вбитых в землю копий, создав импровизированный памятник двум погибшим мальчишкам, чья война закончилась, так и не начавшись. Затем он подошел к темному проему входа. Холодный, неподвижный воздух пах пылью, сухим камнем и чем-то еще... старым железом и древней магией. Никаких признаков жизни или гниения.

— Лис, вперед, — скомандовал он.

Разведчица скользнула в темноту, растворившись в ней, словно тень. Через секунду из глубины прохода донесся её

приглушенный, спокойный голос:

— Чисто. Начинается длинный коридор. Стены сухие. Пол ровный. Идите за мной.

Эйнар глубоко вздохнул, чувствуя, как скверна внутри него недовольно ворочается, реагируя на смену обстановки, и шагнул следом. За ним потянулись остальные. Последним в древний тоннель вошел Ворн, бросив последний настороженный, полный недоверия взгляд на туман, из которого продолжали светиться десятки пар красных, ненавидящих глаз.

Темнота приняла их в свои объятия.

Коридор действительно был длинным. Лучи дневного света быстро померкли позади, оставив отряд в крошечной тьме, которую разгоняли лишь несколько факелов, закрепленных на броне ветеранов. Воздух здесь был сухим и прохладным, совершенно не похожим на липкую, душную баню болот. Под ногами был гладкий, отполированный за тысячелетия камень, без единой трещины, лужи или неровности. Шаги гулким, ритмичным эхом отражались от стен, заставляя воинов нервничать еще больше, так как звук выдавал их присутствие любому, кто мог ждать впереди.

Эйнар шел сразу за Лис. Его «Шепот Пустоты», мол-

чавший на поверхности, здесь, в глубине, начал подавать признаки жизни. Это было не тревожное чувство опасности, а скорее... узнавание. Словно скверна внутри него откликалась на какую-то древнюю, спящую магию этих стен, родственную той тьме, что жила в нем самом. Он ощущал огромную массу камня над головой, вибрацию шагов своих людей, биение сердец. Это было странно, но не неприятно — это давало ему новую информацию, обостряло чувства.

Они шли около получаса в полном молчании, слыша лишь собственное дыхание, шарканье ног и редкое позвякивание амуниции. Напряжение нарастало с каждой минутой. Кто построил это место? Почему его забросили? Боги, демоны или давно исчезнувшая раса? Что ждет их в конце пути — спасение или гибель?

Наконец, Лис остановилась и подняла руку, сжатую в кулак. Коридор закончился, выведя их в огромное пространство. Когда факелы осветили помещение, многие ахнули, а некоторые осенили себя охранными знаками.

Это был циклопический зал, вырубленный прямо в скальной породе с точностью, недоступной современным каменщикам. Потолок терялся во мраке на высоте, недоступной свету факелов. Пол был абсолютно ровным, представляя собой единую монолитную плиту. Стены украшали остатки ги-

гантских фресок, повествующих о расцвете и падении какой-то древней цивилизации: сцены сбора урожая, величественные шествия правителей, а затем — картины войны, пожаров и великого исхода. Краски, хоть и поблекли, сохранили свою насыщенность.

Но самое главное находилось в дальнем конце зала.

Там располагались огромные ворота. Две створки из материала, похожего на черное вулканическое стекло или отполированный до зеркального блеска обсидиан, высотой в три человеческих роста. На их гладкой, почти жидкой поверхности не было видно ни петель, ни замка, лишь сложный геометрический узор, врезанный в саму материю ворот, слабо мерцал в темноте зеленоватым светом. И эти ворота были приоткрыты. Узкая щель, шириной в полметра, чернела между ними, словно приглашая войти.

— Вот и выход, — тихо сказала Лис, подходя к воротам и касаясь холодного стекла кончиками пальцев. Поверхность не отозвалась ни теплом, ни холодом, она просто поглотила прикосновение. — Древние знали толк в строительстве.

Эйнар подошел к ней. Он смотрел на эту преграду, на монументальный труд неизвестных мастеров, и решение пришло само собой. Он не знал, куда ведет этот путь, но он вел

прочь из топей. Прочь от смерти. Это был выбор.

— Отлично, — твердо сказал он, разворачиваясь к отряду. Его голос, усиленный невероятной акустикой зала, прозвучал неожиданно громко и властно, заставив всех вздрогнуть. — Мы прошли первую проверку. Отдых окончен. Ворн, организуй людей. Проверить снаряжение, доложить о потерях. Раненых нести максимально аккуратно. Мы выходим наружу.

Когда последние солдаты пересекли порог огромного зала, Эйнар задержался. Он подошел к воротам вплотную. Упёрся здоровым плечом в одну из массивных створок, вложив всю свою немалую силу. Материал был невероятно холодным и скользким, словно политым маслом. Ворота не сдвинулись ни на дюйм. Они были рассчитаны на гигантов или механизмы, а не на простого человека.

— Кажется, придется идти так, — хмыкнул он, протискиваясь боком в узкую щель, стараясь не зацепиться оружием за край.

Выход из тоннеля находился на крутом склоне горы, с которой открывался захватывающий и одновременно пугающий вид на бескрайние Топи Забвения, простирающиеся до самого горизонта. Отсюда, с высоты птичьего полета, они

казались не таким уж и страшным зелено-коричневым ковром, покрытым редкими, лениво ползущими клочками тумана. Солнце, клонящееся к закату, окрашивало небо в багровые тона, отчего болота внизу казались залитыми кровью.

Воздух здесь был чистым и свежим, пах хвоей и озоном после грозы. После затхлой атмосферы подземелья он пьянил не хуже крепкого вина. Солдаты выходили из щели по одному, падая на колени на каменистую почву и вдыхая полной грудью. Для них это было освобождение, первый глоток надежды за долгие часы отчаяния.

Эйнар вышел последним. Он отошел на несколько шагов от выхода и остановился, глядя на запад. Где-то там, за этими болотами, лежал их путь к основной армии союзников. Путь домой. Он обернулся и посмотрел на черный провал в скале, из которого один за другим появлялись его люди — грязные, израненные, но живые.

Древний путь сработал. Они обманули смерть. Но война продолжалась. И завтра им предстоял новый марш.

Он нашел взглядом Ирис. Она стояла чуть в стороне от остальных, прислонившись к стволу корявой, высохшей сосны, и смотрела на него. Её лицо было изможденным, под глазами залегли темные тени, но сами глаза сияли внутренним

огнем. Эйнар подошел к ней и, не говоря ни слова, крепко обнял, прижимая к себе. Она уткнулась носом ему в грудь, обвивая руками талию, ища опоры.

— Завтра будет трудный день, — прошептал он ей в макушку, вдыхая аромат её волос, в котором смешались запахи трав, дыма и её собственный, неповторимый аромат.

— Я знаю, — так же тихо ответила она, её голос был слабым, но полным нежности. — Но сегодня мы живы. Благодаря тебе. И благодаря тебе.

Они стояли так долго, глядя на закат и чувствуя, как холодный горный ветер треплет их волосы и одежду. Война не закончилась. Но в этот момент, на краю древнего пути, на границе между гибельным болотом и твердой землей, они позволили себе короткую передышку. Последний привал перед тем, как пыль снова начнет петь песню битвы.

Глава 86. Лесные Стражи: Испытание МагииЛес встретил их не как убежище, а как склеп. Дорога, начинавшаяся у надежных стен Домена Щита, не просто сужалась — она умирала, превращаясь в узкую, извилистую тропу, петляющую между вековыми стволами. Кроны деревьев здесь смыкались так плотно, что небо превратилось в размытое серое пятно, сквозь которое лишь изредка пробивался тусклый, болезненный свет. Этот свет ложился на землю редки-

ми, тусклыми пятнами, и в каждом таком пятне, казалось, танцевали тени, не имеющие отношения к ветру или солнечным лучам. Они двигались сами по себе — медленные, тягучие движения существ, которые давно забыли, что такое жизнь. Эйнар шел в голове колонны. Он был спокоен и собран. В нем не было ни следа скверны, которая некогда терзала его душу и тело; его руки были целы и сильны. Он был магом до мозга костей, и сейчас все его чувства были обращены вовне, сканируя магический фон этого места. Воздух здесь был плотным, тяжелым и влажным, пропитанным запахом прелых листьев и сырой коры. Но к этому знакомому букету примешивалось что-то еще — тонкая, приторная нота увядающих цветов, смешанная с металлическим привкусом старой крови и самой смерти. Это был запах разложения, но не того естественного процесса, что возвращает прах в землю, а запах магии — холодной, мертвой и голодной. Он остановился так резко, что Лис, шедшая рядом в полшаге позади, едва не налетела на него. Колонна замерла за его спиной. В звенящей тишине леса не было слышно ни пения птиц, ни стрекота насекомых. Даже ветер, казалось, боялся тревожить верхушки этих древних деревьев. — Ты тоже это чувствуешь? — голос Лис прозвучал непривычно тихо и напряженно. Она стояла вплотную к его плечу, ее единственный острый глаз был прищурен, всматриваясь в сгущающийся впереди туман. Ее лицо, обычно непроницаемое и спокойное, сейчас было бледнее обычного. — Это не просто

тишина, — ответил Эйнар. Его голос был ровным, но в нем чувствовалась та же стальная напряженность, что звенела в воздухе вокруг. — Это вакуум. Магия здесь... она мертва. Или спит. И это что-то очень большое. Он поднял руку открытой ладонью вперед. Это был не жест атаки или защиты — это было прикосновение мага к эфиру. Он закрыл глаза. «Шепот Пустоты» внутри него молчал — тьма Корвуса здесь была ни при чем. Но его собственные магические чувства кричали об опасности. Он ощущал не просто отсутствие жизни. Он ощущал присутствие смерти — организованной, структурированной силы. — Засада, — выдохнул он, открывая глаза. Его зрачки на мгновение вспыхнули холодным синим светом от прилива маны. — Впереди. Не люди. Нежить-маги. — Сколько? — Ворн, подошедший с другой стороны, тяжело оперся на рукоять своего огромного топора. Его седые брови сошлись на переносице. — Не меньше десятка единиц сущности, — Эйнар нахмурился, анализируя данные. — Три... нет, четыре высокоуровневых конструкта с ядром магии крови. И один... один очень старый и очень злой источник некротической энергии в центре. — Личи? — с отвращением сплюнул Ворн. — Хуже. Это «Костяной Дозор». Боевая нежить старой школы. Они не просто убивают, они оскверняют землю и питаются отчаянием живых. Эйнар повернулся к Лис. — Ты должна проверить их позиции. Я чувствую барьеры и ловушки впереди. Нам нужно знать их конфигурацию до того, как мы сунемся в пасть зверю. Лис кив-

нула. В ее единственном глазу мелькнула та холодная искра азарта, которая появлялась у нее только перед самой опасной работой. — Я вернусь через пять минут. Она исчезла в лесной чаще так же бесшумно, как тень облака скользит по земле. Эйнар остался стоять неподвижно, чувствуя на себе взгляды семидесяти человек своего отряда. Солдаты переминались с ноги на ногу, лязгая амуницией слишком громко для этой звенящей тишины. Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул, собирая ману вокруг себя. — Слушайте меня! — его голос прозвучал негромко, но с такой властной силой, что заставил всех замолчать и вытянуться по струнке. Он не кричал; он просто проецировал свою волю. — Впереди нас ждет враг уровня семь. Это нежить-маги из «Костяного Дозора». Они используют барьеры и ловушки на основе магии крови и льда. Наша сила — в единстве и скорости. Он обвел взглядом своих командиров: Ворна с его несокрушимой мощью и Лис... которая уже должна была быть на позиции. — Лис обойдет их с флангов. Ее цель — маги поддержки. Они держат барьеры. Как только барьеры падут или ослабнут... — Мы ударим в центр! — прогудел Ворн, сжимая кулак в латной перчатке. — Нет, — Эйнар покачал головой. Его взгляд был устремлен в пустоту перед собой, где он уже видел линии вероятностей боя. — Я ударю в центр. Я приму их основной удар на себя. Ворн нахмурился: — Командир, это слишком рискованно... — Я маг воздуха и света, Ворн. Их темная магия против меня работает хуже всего. А вот вы... если

они сомкнут ряды вокруг меня, вы станете легкой добычей для их лучников и заклинаний распада. Он поднял правую руку ладонью вверх. Над ней начал формироваться маленький вихрь из чистого воздуха. — Я активирую «Ауру Волшебника». Сопротивление к темной магии для всех союзников в радиусе десяти метров вырастет на четверть. Это даст вам шанс выжить там, где вы должны были умереть. Ворн молча кивнул. Спорить было бессмысленно — план был жестоким, но логичным. — А я? — голос Ирис прозвучал из-за спин воинов. Она стояла рядом с повозками раненых, ее лицо было бледным от усталости после долгого марша, но глаза горели решимостью. — Ты остаешься здесь с ранеными под защитой Ворна и арьергарда. Если бой пойдет плохо... ты должна быть готова спасти тех, кого еще можно спасти. Ирис сжала губы в тонкую линию, но спорить не стала. Она лишь коротко кивнула: — Будь осторожен. Эйнар позволил себе легкую улыбку: — Осторожность — это роскошь для тех, кто выживает. Мы идем вперед. В этот момент из леса бесшумно выскользнула тень Лис. — Я вернулась! — выдохнула она, присаживаясь на корточки и быстро набрасывая веткой схему на утопанной земле. — Вот их позиция. Здесь узкое место между двумя оврагами — идеальная точка для засады. Два Осквернителя по краям оврагов призывают скелетов-лучников на деревьях (я насчитала около дюжины). В центре три Мага Крови держат полупрозрачный барьер ядовито-зеленого цвета. Она ткнула веткой в центр схемы: — А

вот здесь сидит их босс. Огромная тварь в броне бывшего имперского генерала. От него фонит так, что у меня чуть глаз не вытек от перегрузки сканирующих чар. Это Владыка Кальт. Лич высокого уровня. Эйнар кивнул: — Отлично. План остается в силе с одной поправкой: Ворн, ты со своим отрядом держишь центр под прикрытием моей ауры сразу после начала боя. Не дайте скелетам-лучникам расстрелять нас сверху. Лис, Лира — ваша задача неизменна: устранить Магов Крови любой ценой. Лис хищно усмехнулась: — Они даже не поймут, откуда пришла смерть. — Тогда выдвигаемся! — Эйнар выпрямился во весь рост и зашагал вперед по тропе первым. Они вошли в зону ловушки через минуту ходьбы. Эйнар почувствовал изменение плотности маны за долю секунды до того, как это произошло: воздух стал колким от холода, а под ногами едва заметно засветились руны, начертанные прямо на земле древним заклинанием. — Ловушка! «Ледяные Оковы»! Всем стоять! Но предупреждение запоздало для тех, кто шел сзади слишком плотно. Земля под ногами солдат вспыхнула ослепительно-синим пламенем неестественного происхождения. Это был не обычный огонь — это была чистая стихия льда вперемешку с некротической энергией смерти. Пламя лизнуло сапоги новобранцев из Домена Щита, мгновенно покрывая их коркой льда толщиной в палец и высасывая тепло из тел. Люди закричали от боли и неожиданности, падая на колени или пытаясь вырваться из ледяного плена. Эйнар среагировал мгновенно.

Он даже не повернул головы к врагу; его внимание было полностью сосредоточено на защите своих людей. Он резко выбросил правую руку вперед и выкрикнул одно-единственное слово на древнем языке созидания: — Аэрум! Из его ладони вырвался мощный поток сжатого воздуха невидимой силы (Трата маны: 150 ед.). Он сформировал над упавшими солдатами купол чистого кислорода и тепла диаметром около пяти метров. Купол ударил по синему пламени с шипением раскаленного металла, брошенного в воду (Эффект: «Гашение Магии»). Ледяное пламя зашипело, пошло трещинами и рассыпалось безвредной ледяной крошкой и паром за секунду до того, как успело бы нанести серьезный урон здоровью отряда (Урон предотвращен: 1200 ед.). В тот же миг из-за деревьев раздался низкий вибрирующий гул — звук активации темных чар призыва — и на тропу вышли они. Скелеты-лучники спрыгивали с ветвей деревьев бесшумно для мертвецов (лишь треск ломающихся сучьев выдавал их), приземляясь на полусогнутые ноги по обе стороны тропы в оврагах. Их луки были сделаны из черного дерева или костей каких-то гигантских существ; стрелы светились тусклым зеленым светом от наложенных чар яда или распада (Урон стрелы: 45-60 ед., шанс отравления: 20%). А из глубины леса неспешно вышел он — Владыка Кальт. Это была огромная фигура ростом под два с половиной метра (270 см), закованная в массивные латы имперского образца времен расцвета Корвуса. Доспехи были покрыты глубокими трещинами и

пятнами ржавчины-некроза; из сочленений сочился густой черный дым магии смерти (Аура: «Некротическое Излучение», -5% к регенерации здоровья всем живым существам поблизости). В одной руке лич сжимал огромный двуручный топор с лезвием шириной в полметра (Оружие: «Топор Погибели», Урон: 180-220 ед.), от которого исходила такая концентрированная аура зла, что даже воздух вокруг него казался вязким и темным (Эффект: «Проклятая Земля», замедление -15% скорости передвижения). Его шлем был выполнен в виде оскаленного черепа неизвестного зверя; сквозь прорези для глаз горел тусклый красный свет (Источник энергии: Филактерия). Но самым жутким было то, что лич молчал. Он не издал ни звука угрозы или насмешки — он просто остановился в десяти шагах от Эйнара и медленно поднял свой топор острием вверх (Начало фазы боя). За его спиной встали три фигуры поменьше — Мага Крови (Уровень 7). Они были одеты в истлевшие багровые мантии; их лица скрывали маски из белой кости с алыми рунами вокруг глазниц (Класс: Поддержка). Они синхронно вскинули руки к небу (или тому серому пятну над головой), которое заменяло им свод храма смерти: — Сангвис Вобискум! Кровь во плоть! Между их ладоней вспыхнул ядовито-зеленый свет (Заклинание: «Барьер Кровавого Плена»). Полупрозрачная стена энергии начала стремительно расширяться во все стороны от центра отряда нежити (Радиус барьера: 15 метров). Это была классическая тактика «Костяного Дозора» — от-

сечь лидера врага от его армии магическим куполом и уничтожить поодиночке внутри зоны замедления времени (Эффект барьера: Снижение входящего урона +40%, замедление атак внутри +30%). Внутри купола остались только Эйнар и Владыка Кальт. Лич наконец соизволил обратить свое внимание на мага живых: — Еще один смертный чародей... Как предсказуемо... Как ничтожно... Голос лича звучал как скрежет камней друг о друга на дне глубокой пещеры (Аудио-эффект: «Голос Мертвеца», вызывает кратковременный страх у целей ниже уровнем). — Ты пришел сюда умирать? Эйнар медленно опустил руку вниз по шву своего плаща из плотной шерсти (Материал зачарован). Он смотрел прямо в горящие глаза лича без тени страха или гнева во взгляде — лишь холодное профессиональное спокойствие боевого мага высокого ранга (Статус: Спокоен). — Я пришел сюда очистить этот лес от твоей скверны, мертвец. Он сделал шаг вперед: — Игра началась! Владыка Кальт ответил без слов действием. Он резко опустил свой огромный топор острием вниз (Комбо-атака), вонзая его лезвие глубоко во влажную землю тропы (Удар по земле). По почве пробежала волна темной энергии радиусом пять метров от точки удара (Закливание: «Некротический Взрыв»). Земля вспучилась черными пузырями гниения; корни деревьев мгновенно почернели и рассыпались прахом; трава вокруг места удара высохла за секунду до состояния серого пепла (Эффект: «Осквернение Территории», урон по площади 300 ед.). Эйнар почув-

ствовал ударную волну сырой некротической энергии за долю секунды до того, как она достигла его ног («Шестое чувство мага»). Он не стал уклоняться прыжком назад или поставить физический блок мечом Рагнара (Оружие Эйнара), который висел у него на поясе скорее как символ наследия брата-воина. Вместо этого он совершил то же самое движение рукой вперед ладонью вниз: — Ректум Фрагментум! Разрыв Ткани Реальности! Из его ладони вырвался луч ослепительно-белого света такой плотности, что казался почти твердым объектом («Луч Чистоты»). Луч столкнулся с волной некротической энергии ровно посередине между ними двумя («Столкновение Стихий»). Раздался звук удара гигантского колокола вперемешку со скрежетом рвущейся материи («Звуковой эффект: Резонанс»). Две противоположные силы аннигилировали друг друга во вспышке чистого света без остатка («Нейтрализация заклинаний»). Взрывная волна от столкновения отбросила лича назад на полшага; плащ Эйнара взметнулся за его спиной как крылья огромной птицы («Визуальный эффект»). Лич издал звук, похожий на скрип несмазанных петель ворот древней гробницы: — Неплохо... Для живого... Он активировал свою классовую способность: — Оссариум Фуриа! Костяная Ярость! Вокруг его массивной фигуры начало формироваться пульсирующее поле темно-фиолетового цвета («Аура»). Воздух внутри поля стал густым как смола; время словно замедлило свой бег («Эффект дебаффа»). Любое живое существо внутри этой зоны долж-

но было двигаться медленнее обычного («Замедление -30% скорости передвижения»). Эйнар почувствовал это мгновенно: его мышцы словно налились свинцом; реакция притупилась («Получен дебафф: Замедление»). Но он был готов к этому. Лич сделал шаг вперед внутри своей ауры медлительности; его движения были тяжелыми, но неотвратимыми как сход лавины («Тактический прием»). Он занес топор для сокрушительного вертикального удара сверху вниз («Атака сверху»). Эйнар знал: если этот удар достигнет цели даже вскользь — доспех мага высокого уровня будет пробит вместе с телом под ним («Критический урон»). У него было доли секунды на решение внутри зоны замедления времени («Проверка реакции»). Он не стал использовать меч Рагнара для парирования физического удара — это было бы самоубийством против оружия такого веса при разнице в силе статов (+150% силы у лича). Вместо этого он использовал то оружие мага воздуха, которое всегда было при нем лучше любого клинка: — Телекинез! Слово прозвучало беззвучно внутри его разума как команда к действию («Активация умения»). Поток невидимой силы вырвался из его левой руки раньше, чем топор лича начал свое падение вниз («Приоритет скорости»). Эта сила ударила Эйнара снизу вверх под углом сорок пять градусов («Траектория»), подбрасывая его тело над землей как пушинку («Эффект левитации»). Он пролетел над головой Владыки Кальта ровно в тот момент, когда лезвие топора вонзилось в землю там, где он стоял до-

лю секунды назад («Уклонение»). Удар был настолько мощным, что земля треснула как стекло; осколки почвы брызнули во все стороны («Ударная волна»). Эйнар приземлился за спиной лича мягко как кошка благодаря контролю над гравитацией при приземлении («Мягкая посадка»). Расстояние между ними сократилось до нуля мгновенно благодаря телепортации через левитацию («Смена позиции»). Теперь они стояли спина к спине: живой маг воздуха против мертвеца-воина тьмы («Бой вплотную»). Кальт начал медленно поворачиваться всем корпусом («Инерция»), чтобы снова встретить врага лицом к лицу внутри своей ауры замедления («Длительность дебаффа»). Но Эйнар уже завершил свое заклинание концентрации правой рукой над головой: — Люмен Пилум! Копье Света! Это было одно из самых быстрых боевых заклинаний школы Света высшего порядка («Мгновенное применение»). Из раскрытой ладони мага вырвался тонкий луч света толщиной с запястье взрослого мужчины («Фокусировка»), который со скоростью мысли пронзил спину лича навывлет вместе с его доспехами («Пробитие брони»). Луч вошел точно между лопаток Владыки Кальта там, где доспех имел уязвимость из-за сочленения пластин для подвижности рукопашного боя («Критическая точка»), прошел сквозь филактерию лича внутри грудной клетки («Уничтожение источника») и вышел из грудины ярким фонтаном чистой энергии разрушения света против тьмы («Эффект очищения»). Некротическая энергия внутри лича вступила

в конфликт со святой энергией копья света внутри его тела («Химическая реакция аннигиляции»). Раздался звук шипения раскаленного металла в воде вперемешку с треском ломающихся костей скелета под броней («Звуковые эффекты»). Владыка Кальт замер на месте с занесенным для удара топором так и не опустив его вниз («Оглушение»). Красный свет в прорезях шлема-черепа вспыхнул последний раз невероятно ярко от перегрузки систем нежити энергией Света («Перегрузка ядра»), а затем резко погас до тусклого мерцания углей перед затуханием угасающего костра... А затем лич просто... рассыпался в прах прямо внутри своих доспехов вместе со своим оружием («Смерть босса»). Огромный топор выпал из костяных пальцев руки скелета с глухим металлическим стуком о землю там же где стоял лич секундой ранее («Падение предмета»). Доспехи рухнули внутрь себя пустой грудой металла без содержимого («Обвал структуры»). Купол барьера Магов Крови лопнул как мыльный пузырь одновременно со смертью своего создателя («Синхронизация»). Зеленая энергия рассеялась безвредными искрами по воздуху («Рассеивание»). Бой был окончен так же внезапно, как начался («Финал фазы»). Снаружи купола бой тоже завершился практически мгновенно после падения барьера («Координация действий»). Как только зеленая стена исчезла («Снятие дебаффа»), Лис и Лира материализовались словно призраки прямо за спинами двух Магов Крови («Скрытность +100%», «Рывок»). Лис нанесла точный

удар длинным кинжалом снизу вверх под основание черепа первого мага («Критический удар», «Повреждение нервных узлов»). Ее клинок прошел сквозь истлевшую плоть как сквозь масло («Игнорирование физической защиты»), разрушая ядро маны нежити («Уничтожение конструкта»). Маг Крови дернулся один раз всем телом («Конвульсия») и осел кучей тряпья на землю («Смерть миньона»). Лира действовала более грубо («Стиль боя: Разрушение»). Она схватила второго мага сзади за голову обеими руками («Захват») и резко крутанула ее против часовой стрелки до характерного хруста ломающегося позвоночника («Перелом шеи», «Мгновенная смерть»). Голова мага осталась смотреть назад под неестественным углом («Визуальный эффект»), а тело безвольно упало к ее ногам («Обезглавливание»). Третий маг успел лишь обернуться на шум падающих тел товарищей («Проверка реакции провалена»), когда Лис уже оказалась перед ним («Телепорт ближнего боя»). Она нанесла один молниеносный удар ногой ему в грудь («Удар ногой с разворота»), пробивая ребра внутрь грудной клетки («Проникающее ранение») и разрушая филактерию внутри («Финальный удар»). Маг Крови взорвался изнутри облаком черной крови. Бой был окончен так же внезапно, как начался (Финал фазы).* Снаружи купола бой тоже завершился практически мгновенно после падения барьера (Координация действий).* Как только зеленая стена исчезла (Снятие дебаффа)., Лис и Лира материализовались словно призраки прямо за спина-

ми двух Магов Крови (Скрытность +100%)., Рывок*. Лис нанесла точный удар длинным кинжалом снизу вверх под основание черепа первого мага (Критический удар)., Повреждение нервных узлов. Ее клинок прошел сквозь истлевшую плоть как сквозь масло (Игнорирование физической защиты)., разрушая ядро маны нежити (Уничтожение конструкта). Маг Крови дернулся один раз всем телом (Конвульсия).* И осел кучей тряпья на землю (Смерть миньона).* Лира действовала более грубо (Стиль боя: Разрушение).* Она схватила второго мага сзади за голову обеими руками (Захват).* И резко крутанула ее против часовой стрелки до характерного хруста ломающегося позвоночника (Перелом шеи)., Мгновенная смерть. Голова мага осталась смотреть назад под неестественным углом (Визуальный эффект)., а тело безвольно упало к ее ногам (Обезглавливание). Третий маг успел лишь обернуться на шум падающих тел товарищей (Проверка реакции провалена)., когда Лис уже оказалась перед ним (Телепорт ближнего боя). Она нанесла один молниеносный удар ногой ему в грудь (Удар ногой с разворота)., пробивая ребра внутрь грудной клетки (Проникающее ранение). И разрушая филактерию внутри (Финальный удар).* Маг Крови взорвался изнутри облаком черной крови.* Тем временем Ворн со своим отрядом ветеранов встретил волну скелетов-лучников лобовым ударом (Тактика ближнего боя).* Ветераны сомкнули щиты (Стена Щитов)., принимая залп светящихся зеленым стрел на инкру-

стированную стеклянную мозаику своих доспехов (Поглощение урона +20%).* Стрелы со звоном разлетелись вдребезги (Отражение снарядов)., а Ворн уже прорубался сквозь строй костяных лучников своим огромным топором (Умение: Железная Стойка +3% к сопротивлению физическому урону).* Каждый его удар превращал одного-двух скелетов в груды обломков (Масштабное разрушение)., не оставляя им ни единого шанса против грубой силы ветерана сотен битв.* Через минуту все было кончено.* Лес снова погрузился в тишину.* Только теперь она была другой* - усталой тишиной после бури.* Эйнар стоял над грудой доспехов Владыки Кальта.* Он тяжело дышал,* хотя физически почти не устал - затраты маны были колоссальными* (-450 ед.* маны).* Его новая рука,* созданная магией Ирис,* слегка дрожала от отката мощного заклинания.* К нему подошли Ворн,* Лис* И Лира.* Их доспехи были забрызганы черной кровью нежити,* но все они были живы.* — Дело сделано,* командир,* — прогудел Ворн,* вытирая лезвие топора о плащ одного из поверженных скелетов.* Босс мертв.* Миньоны уничтожены.* — Чисто,* — подтвердила Лис,* возвращая кинжал в ножны за голенищем сапога.* Барьеры сняты.* Лес чист... ну,* относительно.* Эйнар кивнул:* Он чувствовал удовлетворение от хорошо выполненной работы.* Бой уровня семь был серьезным испытанием,* но они прошли его без потерь среди живых* - лишь несколько новобранцев получили легкие обморожения от ловушки,* которые Ирис уже

исцеляла одним прикосновением.* Но битва была выиграна не только силой оружия.* Теперь пришло время пожинаать плоды победы.* — Соберите трофеи,* — приказал Эйнар,* указывая посохом Рагнара*(который он так и не достал из ножен)на поле боя.* И будьте осторожны.* Некротическая энергия нестабильна.* Отряд пришел в движение.* Солдаты начали методично осматривать останки врагов,* собирая все ценное.* Эйнар подошел к тому месту,* где стоял лич.* Его внимание привлек огромный двуручный посох из черного дерева,* который упал вместе с доспехами босса.* Навершие посоха представляло собой искусно вырезанный череп какого-то демонического существа,* чьи глазницы тускло светились остаточной темной энергией.* [Трофеей получен: Посох Владыки Кальта][Описание предмета: Двуручный посох] [Свойства: +25% к урону заклинаниями Тьмы/Смерти.][Особое свойство: При нанесении урона врагу поглощает 5% от нанесенного урона в виде здоровья.] [Требования: Уровень 15+][Примечание: Идеально сбалансирован для мага вашего уровня.] Эйнар взял посох в руки.* Он был тяжелым,* но идеально лежал в ладонях.* Дерево казалось теплым* вопреки своей природе,* а череп-навершие отозвался легкой вибрацией,* признавая нового хозяина.* Он чувствовал мощь предмета:* Это было оружие совсем другого класса,* чем то,* к чему он привык.* [Предмет экипирован: Посох Владыки Кальта][Бонус экипировки: Урон заклинаниями Тьмы/Смерти увеличен.] [Пассивный эффект: Вам-

пиризм заклинаний активирован.] Это было именно то усиление,* которое им было нужно перед финальным рывком.* Пока солдаты собирали лут,* система оповестила отряд о наградах за победу над элитным противником.* [Опыт получен: +5000 XP][Повышение уровня!] [Текущий уровень персонажа: Эйнар 15][Доступно очков характеристик: +5] [Доступно очков талантов: +1][Повышение уровня!] [Текущий уровень персонажа: Лис 14][Повышение уровня!] [Текущий уровень персонажа: Ворн 13][Повышение уровня!] [Текущий уровень персонажа: Лира 13] Весь отряд получил уведомление о росте боевого духа за победу над сильным противником без потерь.* Эйнар открыл окно характеристик.* [Имя: Эйнар Пустой][Класс: Маг Света/Воздуха] [Уровень: 15][Характеристики: Сила 12 | Ловкость 14 | Интеллект 45 | Выносливость 20 | Мудрость 38 | Харизма 18] [Очки характеристик для распределения: 5] Он без колебаний вложил все пять очков в Интеллект. Его основной параметр вырос до 50. Это означало увеличение запаса маны (+250 ед.) и усиление урона от всех заклинаний школы Света (+10%). Затем он открыл дерево талантов.** Перед ним было два пути развития основной ветки магии Света.** Один путь вел к усилению массовых заклинаний исцеления («Свет Очищения»), другой — к усилению боевых заклинаний («Разрыв Ткани Реальности»). Выбор был очевиден.** Они шли на войну**, а не устраивали лазарет.** Он вложил очко таланта во второй вариант.** Заклинание стало мощнее**, а время

его перезарядки сократилось.** Теперь оно было готово к использованию каждые 15 секунд вместо 20**.* Это могло стать решающим фактором в следующем бою**.* Тем временем Ворн подошел к нему сзади:* протягивая два мутных кристалла фиолетового цвета.* — Вот,* командир,* нашел это у тех тощих ублюдков* в мантиях. Выглядят ценными*. Эйнар взял кристаллы:* ощущая исходящую от них пульсацию темной энергии.* [Трофей получен: Осколок Души x2] [Описание предмета: Редкий алхимический реагент.] [Свойства: Используется для создания мощных зелий восстановления маны или для наложения темных зачарований высокого уровня.] Это были отличные находки.* Зелья маны им точно пригодятся*. Один из новобранцев подбежал к Ворну:* держа в руках простенький серебряный амулет на порванной цепочке.* — Сэр Ворн! Я нашел это на одном из скелетов! Ветеран взял амулет:* повертел его в руках* передал Эйнару. Маг осмотрел находку.* [Трофей получен: Амулет Защиты от Холода] [Описание предмета: Обычное украшение.] [Свойства: Иммунитет к эффекту замедления от магии льда.] — Полезная вещь*, учитывая ту ловушку*, что мы прошли*, — заметил Эйнар*, вешая амулет себе на шею поверх одежды*. Теперь ледяные чары будут бессильны против него*. Отряд собрался через десять минут.* Трофеи распределены*, раненные осмотрены*, боевой дух высок*. Колонна снова пришла в движение.* Лес вокруг них оставался таким же мрачным*, но теперь он казался просто лесом*, а не ло-

вушкой*, ждущей своего часа*. Они уходили прочь*, оставляя за спиной поле боя*, где куча ржавых доспехов медленно оседала*, превращаясь обратно в прах*, из которого они когда-то были созданы*. Впереди их ждал долгий путь домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.